

ОЛЬГА БРУСНИГИНА

МАНЮШКА

ЛЮБОВЬ СО ВКУСОМ ПОЛЫНИ

18+

Ольга Бруснигина

Манюшка

«Автор»

2018

Бруснигина О.

Манюшка / О. Бруснигина — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-03597-3

Драматическая история о любви, предательстве и поиске счастья в условиях суровой крестьянской жизни середины XIX века. Главная героиня, Манюшка, немая после трагической смерти родителей, оказывается втянутой в водоворот событий. Влюбившись в молодого крестьянина Павла, она сталкивается с жестокостью судьбы. Их любовь взаимна, но Павел вынужден жениться на другой по воле своего отца Якима. В отчаянии она становится жертвой обмана Якима, который вынуждает её стать своей любовницей. Однако судьба вновь вмешивается в их жизни: жена Павла умирает, а он сам возвращается, чтобы начать всё сначала.

ISBN 978-5-532-03597-3

© Бруснигина О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Бруснигина

Манюшка

Глава 1

Осенний утренний туман накрыл маленькую деревушку. Над гладью мутного пруда он висел как большое белое покрывало. Промозглый ветер обрывал последние листы с деревьев и устилал слякотную землю. Дождя в эту осень выпало больше обычного. Земля пропиталась влагой, была жидкой и вязкой.

Рассветало. Кое-где сонно мычали коровы, гавкали громогласные псы, просыпались первые петухи и начинали возвещать о наступлении нового дня. Люди в деревне ещё спали, их ветхие избенки молчали.

В это унылое время на деревенском прогоне показалась повозка. Старая, рыжая лошадь с трудом тянула телегу. Каждый её шаг был затруднен обилием налипшей на копыта жидкой грязи. Телега выглядела не лучше – деревянные колеса были густо обмотаны красной липкой глиной. На особо сложных участках пути, телега застревала в глубоких колеях, и лошаденке приходилось туго. Бедняга притомилась, но почуяв человеческое жильё, следовала по назначенному пути, ожидая скорейший отдых и корм.

Путешественников было двое. Кроме возничего, на телеге сидела юная девушка. Чтобы не замерзнуть от студеного ветра, она завернулась в теплый овечий тулуп, который был явно с чужого плеча. Такие носили зимой мужчины: овчинные шкуры грубой выделки сшивали мехом внутрь. Запах от таких шуб шел неприятный, кислый, зато это хорошая защита от холода. На голове у попутчицы был надет бурый шерстяной полушалок, выцветший и побитый молью. Пальтишко на девушке – залатанное, местами с заплатами другого цвета. Было ясно, что девушка из бедной семьи, может даже нищей. Свесив с телеги худенькие ножки в лапотках, молодлица смотрела на обочину.

Спутник, мужчина средних лет, наоборот, был добротнo одет: длинное суконное пальто, меховая шапка, кожаные сапоги.

На первый взгляд, можно было подумать, что они чужие друг другу люди. Просто попутчики.

– Тпру, окаянная! – воскликнул мужчина и резко дернул за вожжи. Лошадка послушно остановилась, при этом продолжая раскачивать хвостом в память о жгучих насекомых, преследовавших её все лето. Но стоять скотинка спокойно не могла, то и дело переминалась с ноги на ногу, дергала головой, громко фыркала.

– Ишь расходилась! – продолжал кричать мужчина на лошадку, словно ждал от неё ответа.

Настроение у возничего было плохое, потому скверное расположение духа он вымещал на безропотном животном. Еще раз, вздернув вожжи для оснастки, он махнул прутом по лошадиному крупу.

Про себя он думал, вовсе не о лошадке: «Гори все синим пламенем, так будет лучше!» Повторял бесконечное число раз одну и ту же фразу, при этом нервничал ещё больше. Изнутри его разжигало чувство вины.

– Ну вот, родимая, добрались! – оглянулся он на попутчицу, – теперь надо узнать в каком доме твоя тётка Катерина живет. Рановато пока. Гляди, спит ещё в деревне народ. Давай, подождем немного. А пока и ты подремли. Наверняка устала?

Девушка не ответила, лишь тяжело вздохнула, а после прилегла в телеге на бочок. Только заснуть не смогла, с трудом скрывала своё волнение. Никогда прежде ей не приходилось уез-

жать из дома в такую даль. В деревне ей сразу не понравилось: серо, домов мало, грязь кругом, сплошные леса без конца и края. В уездном городке, где до этого жила, гораздо устроеннее: дома из кирпича, церковь, фабрика, лесопилка.

Мужчина тем временем обошёл упряжь, покачал головой, понимая, что нужно чистить колеса. Недолго думая, он сходил в березняк и вернулся с большой острой палкой. Этим нехитрым приспособлением принялся отковыривать грязь с телеги, то и дело, проклиная всеми чертами разбитую от дождей дорогу.

Скоро в деревне началось движение. Через два дома от прогона поднялся скрипучий колодезный журавль, зазвенели ведра.

Мужчина встрепенулся, бросил палку наземь:

– Машутка, вставай! Бери пожитки! Поспешим, вдруг нам повезет!

Девушка убрала с плеч тулуп, взяла небольшой узелок, после ловко соскочила с телеги.

– Скорее, не отставай! Застать бы деревенского «жаворонка», – бодро зашагал мужчина вдоль по деревенской тропке.

Маша едва поспевала за его широким шагом, не понимая, к чему такая спешка?

Быстро домчались до участка, где было заметно оживление. Возле дома резными наличниками, суежилась полная круглолицая женщина. Над крышей клубился густой дым, а сама хозяйка набирала воду из колодца.

– Хозяюшка! – окликнул мужчина, – остановись на минутку! Скажи, где Катерина Ермиловна живет?

Женщина поставила полные ведра наземь, уперла руки в бока и нахмурилась.

– Не знаю я никакой Катерины Ермиловны! – в её голосе послышались грозные интонации.

– Не может быть! – отреагировал мужчина, – здесь она. Давно уже живет. Лет десять, может и больше.

– Десять? М-м-м! Постойте! Бабушка Катя в крайнем доме живет, возле горелого места, по правому порядку. Её Ермиловной не величают, вот я и не вспомнила.

Мужчина довольно заулыбался:

– Она родимая. Так в какую сторону нам идти?

– А чего вы до неё? Отродясь здесь гостей к ней не видели.

Лицо деревенской жительницы скривилось в презрительной ухмылке. Заезжие у неё всегда вызвали недоверие. А эти двое сразу с наскоку зашли, да еще и спозаранок!

– Племянницу к ней на проживание привез. Сиротка она – ни отца, ни матери, – зачем-то откровенно выдал мужчина.

Женщина окинула оценивающим взглядом племянницу Катерины, хмыкнула, типа: «Ходят тут всякие, от дел отвлекают!».

Вялым движением руки махнула в сторону, куда должны идти непрошенные гости.

– Ступайте до самого конца, не ошибётесь. Да, не испугайтесь сильно.

– Не испугаться? – не понял мужчина.

– Хуже дома во всей деревне не сыскать, – снова с желчью ответила крестьянка. Потом повернулась к чужакам спиной, подхватила тяжелые ведра, и уверенным шагом направилась в дом. Все – разговор окончен. Даже воды испить не предложила!

Чужаки пошли по узкой тропе вдоль деревни, в указанном направлении. Пока доплелись до сгоревшего дома, на ногах по целому килограмму грязи налипало. Мужчина ворчал всю дорогу, что новые сапоги испортил.

В конце пути их ждал сюрприз. Избенка оказалась так мала, что походила больше на баньку или амбар, в котором хранили зерно.

«Как же можно здесь жить?» – мелькнуло у Маши в голове. Ей было с чем сравнивать: у дяди был большой дом, обустроенный, с просторной горницей, двумя спальнями, с резными сениями. Вокруг дома много построек и для скота, и для хранения запасов.

А возникшую сейчас перед ними халупу жильем назвать было трудно. У Маши внутри всё сжалось в комок. По её мнению, в такой избушке могла жить только страшная-престрашная Баба Яга, которой родители пугают детей в случае непослушания.

На Машеньку навалился страх. Хотелось кричать, что ни за что на свете она не останется здесь. Будет выполнять самую грязную работу, лишь бы дядя забрал её обратно. Она часто-часто моргала глазами и взволнованно вздыхала. Дядька же делал вид, что не замечает её состояния.

– Ну и нищета! – возмутился он, оценивая избушку. – Я, думал, что оставлю тебя в хороших руках. А тут – сарай, будка собачья.

Возле теткиной избы не было таких построек, как у остальных домов: ни дровяника, ни хлева, где разводили скот. Зато вокруг высокий в человеческий рост бурьян, да крапива. Дверь покосилась, оконца маленькие. Ветхое жилье: подгнившие бревна, худая крыша. Казалось, что от сильного ветра она может сложиться в кучу.

Маша вцепилась дяде в рукава и подняла на него жалостливые глаза. Но куда там, лишь холод в ответном взгляде. Конечно, он чувствовал отчаяние племянницы. Ему было жалко обездоленную судьбой, безвинную девочку, но другого выхода у него не было.

– Пстой, Маша! Сейчас всё прояснится, – освободил он руки. Вина по-прежнему не давала ему покоя, но не для того он проехал такие километры, чтобы сдать назад.

Пробираться к заросшему бурьяном дому было трудно. Дядьке пришлось протаптывать ногами проход среди мокрой высоченной травы и жгучей крапивы.

– Чтоб тебе! – отмахивался он от нависающих веток, жалищих лицо.

Чтобы Маше было легче продираться вслед за ним сквозь заросли крапивы, он тянул её за руку.

– Берегись, жжется, – указывал на едкие сорняки, почесывая ошпаренное место.

Наконец, получилось добраться до стены дома, где было одно-единственное оконце, размером в два локтя. Сквозь стекло внутри не разглядеть ничего, тьма-тьмушая. Дядька свернул кулак и постучал по стеклу. Тук-тук-тук! – раздалось по округе.

Ответа не последовало, даже шороха внутри не случилось. Выждав минуту, дядька ещё раз постучал.

– Глухая, что ли? – возмутился он с досадой.

Но отступать в его планы не входило. Поразмыслив немного, подошел к покосившейся двери, едва державшейся на петлях, и забарабанил в неё что есть мочи. Дернул за ручку, дверь оказалась не заперта, что вызвало у него удивление.

– Похоже, обманули нас, не живет здесь никто. Ну и шуточки у местных! – начал ворчать дядька.

Вдруг в доме послышался шорох. И скоро сухонькая старушка маленького ростика вышла к ним из темных сеней и встала в дверном проеме.

«Долго копалась!», – хотелось ругнуться дядьке. Поверьте, в другой раз он бы отчитал её по-полной. Не посмотрел бы на разницу в возрасте, ведь он умел быть грубым на слова. Только сегодняшний интерес загнал его самолюбие в угол, ведь прибыл он в роли просителя.

Обменялись со старушкой первым взглядом. Хозяйка домика зевнула от души, поправила съехавший платок и как ни в чем, ни, бывало, поинтересовалась:

– Кого принесло в такую рань? Не ждала я никого!

Прищурила глаза, пытаясь опознать гостей. К своему удивлению, видела она их впервые. Обычно до неё только соседи заходили и то по нужде – проверить, жива ли.

Мужчина не стал медлить и выдал, как на духу:

– Тут дело такое, Катерина Ермиловна, я племянницу твою насовсем привез, девать мне её некуда.

– Племянницу? – засомневалась старушка.

– Ты осталась единственная её родня. Забирай, а то пропадет.

– Молодая, здоровая. Чего ей пропадать-то?

– Калека она!

– Да, какая же она калека, – удивилась старушка, разглядывая девушку, – девка и девка: руки, ноги на месте? Чего наговариваешь? А то я не вижу!

Дядька на минуту замешкался, стушевал перед напором. После нашелся, что ответить:

– Безмолвная. Пока маленькая была, мычала, как бычок, а теперь, вообще ни звука. Кто хочешь обидит, а она ни закричать не сможет, ни пожаловаться. Посмотри на нее, что снегурочка, беленькая, красивая. Как пятнадцатый годок исполнился, парни проходу давать не стали. Боюсь я за неё – испортят девку. Хоть дома навсегда закрывай. А здесь деревня, все равно не как в городе. Глядишь, замуж выйдет, мужа доброго найдет. К тому же хозяйственная, услужливая, к любой работе приучена, да и нраву кроткого. Забирай, Екатерина Ермиловна, не пожалеешь, ты уж старая, тяжело одной без помощи.

– Василий, наконец, узнала тебя, давненько не виделись, – удивилась Катерина.

– Да, лет десять минуло. С тех самых похорон...

Старушка оборвала его на полуслове:

– Хорошо вещаешь, гладко, как по писаному, наверное, долго речь репетировал. Только мне невдомек твои заботы. Сейчас, вижу, что на меня обузу перевешиваешь, а у самого душа не на месте. Говори, в чем причина, а то назад пошлю! От ворот поворот!

– Причина... – замялся мужчина, подбирая нужные слова, – не ужилась она с женой моей. Ссоры, неурядицы каждый день с утра до ночи. Хоть всех святых выноси!

– А говоришь немая! Как же она без слов ругаться— то может?

– Не знаю! – махнул рукой мужчина, – жена сказала, что поперечная она, что ни укажи, все на вред сделает. Кому такое понравится?

– Ясно, на поводу у своей женщины пошёл. Путь выбрал самый простой.

– Не такой уж и простой.

– Гляди, потом угрызениями совести не мучайся. Сам-то дома ничего не решаешь?

– Зря ты так, Катерина Ермиловна, жена моя – женщина добрая, деловитая, считай, весь дом на ней. Грех жаловаться!

– Ты и не жалуйся, больно мне нужно! – ответила Катерина, – живи с женой в согласии и сытости, а девчонку-сиротку – по миру пусти! Безвинная она, сам понимаешь, за себя не постоит.

– Я и так растил её, сколько мог.

– Не мне тебя к совести призывать, науке учить, взрослый муж, решай сам!

Дядька был неумолим и продолжал стоять на своём. Из деревни ему нужно было вернуться одному. Сотню раз пересказано-передумано. Жена напутствие дала, до сих пор звон в ушах стоит.

– Именно, десять лет, как дочь растил, – продолжил уговоры, – время видно пришло.

– Куда пришло? – не поняла тетка.

– Во взрослую жизнь племяннице пора.

– Горькой такая судьбина станет, оглядись вокруг. Не хоромы перед тобой, да и в сусеках пусто!

– Вижу, – согласился мужчина, – только семья у меня: дети, жена, хозяйство. Забот полон рот, работаю с рассвета до заката. Каждая копейка на счету.

– О себе печёшься. О сытости своей и покое. Понятно, лишний рот никому не в радость.

– Не стыди, Ермиловна, и так кошки на душе скребут.

Пока шла перепалка, Маша пристально рассматривала тётушку. Для себя отметила, что ближайшая родственница – приятной наружности старушка. С первого взгляда понравилась. Речи разумные, в дядькину сторону говорит. А он будто виновный стоит, оправдывается.

После нелепых его доводов, Маша поняла, что вряд ли обратно ей дорога будет. До последней минутки надеялась на дядькино сострадание, но все чаяния развеялись, словно дым.

Дядька присел на лавочку возле дома, наклонил голову и обхватил её руками. К его усталости от дальней дороги, ещё навалилось чувство стыда и бессилия. Он не знал, как убедить Катерину.

В воздухе повисло молчание. Катерина Ермиловна тоже задумалась: «Самой есть нечего, а тут еще нахлебница объявилась. С другой стороны – родная кровинушка, надежда в старости. Будет кому стакан воды подать на смертном одре. Да и кровь не вода – памятка от сестрицы младшей. Девчухе и так в жизни настрадалось. Отца убили за три колоса, мать с горя повесилась. Уступлю, оставлю бедняжку у себя».

Добросердечная женщина никогда не проходила мимо чужого горя, всегда старалась помочь. Не всегда в ответ платили той же монетой, но ни разу она не покалась в содеянном. Верила, что всем воздаётся на небесах, так и жила до этих пор.

История младшей сестрицы милой, матери новоявленной племянницы, что ножом по сердцу. Поглядела на неё, и всплакнуть захотелось. Вот, участь-то горькая!

Машины родители – хорошие люди, трудолюбивые, между собой славно жили, в любви и согласии. Работали, не ленились: хлеба много сеяли. Деревня хорошая, зажиточная, да и от уезда близко. Дом добрый справили, хозяйство крепкое – живи да радуйся! Только не всем на роду, видно, благословение даётся.

Как-то раз после сбора урожая, отец Маши с десятью мешками пшеницы поехал в город на базар, не один, а еще с двумя друзьями-соседями. Обозом – безопаснее, грабежа на тракте было много. По пути-дорожке завистливые односельчане зарезали его, а тело в реку бросили. Следы преступления в той же воде смыли. Зерно же от себя продали, а барыш между собой поделили. По возвращении домой, всем твердили, что до города без проблем доехали, торг провели. А назад ехать Машин отец с ними не явился, где-то в городе в лавке суконщика задержался. Ждали-ждали, полдня прошло, оглобли к дому без него повернули.

Долго искали отца, всей округой ходили: кто в лес, кто в городе справлялся. В недолгих, после дождя он в реке всплыл, страшный надутый. Деревенские смекнули, чьих это рук дело. Прижали к стенке тех самых дружков, они во всем и сознались.

Мать Маши после похорон не переставала плакать, все у бога вопрошала: «За что?». Не устояла перед тоской по мужу, перед зарей, в сенях на перекладине повесилась, грех великий на свою душу приняла. Успокоилась, а о дочке не подумала. Маша к тому времени годочков пяти была – кроха совсем.

Проснулась Маша в то роковое утро, а маменьки рядом нет. Позвала, искала. Потом вышла в тёмные сени и за ноги ледяные повешенной матери случайно зацепилась. Испугалась сильно, громко вскрикнула и сознание потеряла. В чувство её привели соседи, заглядывавшие к ним по утрам за молоком. С того самого времени речь у Маши и отнялась. Первое время девочка и вовсе никого не узнавала, смотрела в одну точку.

Единственный раз Катерина на похоронах сестры видела свою единственную племянницу. Жалела до боли в сердце, но жить к себе не забрала, у самой на тот момент горя хватало.

Жить после смерти родителей сиротка у бабушки по отцовской линии осталась, вместе с семьей родного дяди Василия. Работала сызмальства не покладая рук: дом мыла, бельё стирала, за малышами присматривала, еду варила. Свой кусок хлеба честно отработывала.

Бабушка скоро померла, а Маша в семье дядьки Василия осталась. Дядька не обижал, иногда гостинцы покупал. Вот только его жена Анна – сварливая, жадная: для нее Маша, что заноза в пятке. В порыве злости и словом обижала, и пощечину запросто могла дать. А причин

для этого находилось немало: то одежда плохо постирана, то в избе холодно, вовремя не затопила, то малец в сырых пеленках лежит.

– Безрукая! – орала тётка, – Неумёха. Тебе только клопов давить, и то промахнешься!

Машенька – стойкая, терпела, да и ответить либо пожаловаться кому-то не могла. Что с немой взять? Принимала свою сиротскую долю, как должное. Идти-то больше некуда. Тётка кричит, надрывается, а всё попусту. Всплакнет Маша в углу, вытрет слезы, да и опять за работу. К тому же она сердцем к новым братьям и сестрам прикипела. Особенно к самому младшему Витюшке. Нянчила не хуже родной матери.

Через десять лет, Маша выросла и превратилась в красавицу, взгляд не оторвать. Тогда её жизнь и вовсе невыносимой стала – тётка Анна бесилась все больше и больше с каждым днём. Завидовала её молодости, красоте, тому, что все вокруг восхищались кротким нравом, добротой несчастной сиротки.

Вдобавок, случай произошёл: парнёк с Лесозаводской улицы стал под Машу клинья подбивать, на улице встречать-проводить. Такая красавица, как Маша – большая редкость. Все молодцы заглядывались, головы заламывали. Парень оказался смелым, долго собираться не стал, пришел в дом дяди Василия и с порога заявил, что хоть завтра готов на Марии жениться. И его мать не против такой снохи работающей и прилежной.

Василий захохотал:

– Что ты, парень! Какое замуж? Ей всего шестнадцатый год идёт.

Анна, осмотрев старую, заношенную и местами заштопанную одежду жениха, сразу поинтересовалась:

– Из какой семьи будешь? Есть ли достаток? Куда молодую жену после свадьбы поведешь?

Парень не стушевался, хотя было видно, что волнуется, шапку в руках мнёт.

– Из простых мы. В комнате, в бараке с матушкой живем. Я работать скоро устроюсь. Пока решаю, куда.

– А жить на что собираетесь?

– Чем бог пошлёт, главное – это любовь. Так, что отдадите за меня Машу?

Вытолкал Василий взашей горе-жениха, призадумался, что следом могут появиться другие кандидаты в женихи.

А для Анны это последней каплей стало, расвирипела: «Ты еще в подоле принеси, дармоедка проклятая! Зачем ты этого парня к нам в дом привела?»

Не стесняясь пересудов соседей, злобная мегера вымещала гнев на племяннице побоями и сквернословием. Теперь угодить ей вообще никаким способом было нельзя.

Дядя Василий терпел, как мог, успокаивал жену. Пока та не настояла:

– Увези её с глаз моих куда подальше. Не доводи до греха. Тётка у неё, вроде была?

– Была, – согласился Василий. Недолго размышлял и решил отвезти племянницу в Берёзовку. Знал, что тётка Катерина – добрая душа, уговорить можно. Давно уже устал от постоянных скандалов в доме. Женушка каждый день поедом ела.

Теперь, здесь в богом забытой деревне, предстал Василий перед Катериной и ожидал ответа. Старушка медлила – оно и понятно. Жила одна в поле былина, а тут – «подарок». Не сразу очухаешься.

Наконец, Катерина Ермиловна прервала молчание:

– Зовут, вроде Машей, позабыла я, видела-то последний раз малюткой?

– Машенькой, – откликнулся дядька Вася, соскакивая со скамейки и натужно улыбаясь.

Он был готов шаркнуть ногой, сделать поклон, если нужно, лишь бы дело сладилось.

– Милости прошу, девонька, – с теплотой в голосе сказала Катерина, обнимая свою единственную племянницу.

– Сердечная ты женщина, Катерина Ермиловна! – похвалил Василий.

– Спасибо на добром слове!

– Тебе спасибо! Выручила!

Катерина поморщилась и пристально взглянула на Василия.

– Слабый ты человек, безвольный, зря штаны носишь.

– Пусть так, но я о благе семьи забочусь. Маша у меня страдала, мучилась. Ты же сможешь заменить ей и отца и мать.

– Может и смогу. Но ты этого не узнаешь. Уедешь, и дорогу сюда забудешь.

– Колкая ты, – обиделся Василий.

– Какая есть, не переделаешь уже. Была бы другой, не оказалась бы в таком месте.

Катерина перевела своё внимание на Машу:

– Пойдем, милая, в избу. Здесь теперь будет твой дом. И ты Василий, заходи, передохни, перед обратной дорогой.

– Не сердись, Ермиловна, откажусь от твоего гостеприимства, тороплюсь, обратный путь неблизкий. Старая кобыла еле ноги передвигает.

– Как знаешь, настаивать не стану.

– Ну, раз все сложилось как нельзя лучше, – обрадовался дядюшка Василий, – поеду.

Подождал к племяннице на прощание:

– Живи Маша – не тужи. Прости, Христа ради! Храни тебя господь!

Девчушка на ласковые слова отозвалась, всплакнула. Обняла дядюшку. Любила она его и до сего дня считала самым близким человеком.

– Прости меня! – еще раз сказал он, опуская голову и вытирая набежавшую слезу.

– Долгие проводы – лишние слезы! – вмешалась тётка Катерина, – ступай Василий, не поминай лихом!

– Прощай Ермиловна, не держи зла! – поклонился он в пояс, снимая шапку.

– Прощай! Не упомню, не горюй! Пускай твоя семейная жизнь ладом идёт.

С тяжелым сердцем Василий поспешил к лошаденке, чтоб скорее добраться до дома. По оттаявшей дороге путь назад будет куда длиннее будет. Да и одному страшно: то волк завоет, то птица вспорхнет – душа в пятки.

Он прекрасно понимал, что совершил очень тяжкий грех предательства, и это всё лежало камнем на душе. Одно успокаивало – жена довольна будет, перестанет стены криками сотрясать, может ласковее станет, уже которую ночь одному спать приходится. Куда уж больше? Невмоготу!

– Но пошла, зараза, – хлестнул кобылку по упругому крупу.

Лошадка, взбрыкнула, храпнула, и сошла с места. Телега хоть и немного, но стала легче – хозяин возвращался один. Вместе с ним ехали только его тёмные думы.

Маша ступила на порог нового жилища, наклонилась, чтобы не удариться головой. Ох, и низкий же проём, так и лоб можно расшибить с непривычки. В избушке было темно. Сквозь маленькие оконца свет едва проникал внутрь и освещал только переднюю часть. Половину всей избы занимала печь. На ней старая Катерина в холода спала, еду тоже на ней готовила. Топилась печка по – черному, чтобы согреться, надо дверь открытой держать, а то в угаре задохнуться можно. В избенке все пропахло дымом и затхлостью. Вокруг нищета голимая: ни поесть, ни одеться. Из всей мебели: две лавки да стол. Из кухонной утвари – две миски, крынка глиняная, кружка, пара деревянных ложек. На полу – лежанка из соломенного матраса. Ни подушек, ни одеяла. Укутывалась тетка старым пальтецом, а под голову пиджак свернутый клала. Лежак совсем старый, пыльный, в нём солома затхлая, давно не менялась. Катерина не могла как следует за чистотой следить, пыль, паутину собирать – здоровья совсем не хватало. Умом все бы сделала, а как начнет уборку: одышка мучает, ноги подгибаются, беда, да и только.

Маша с сожалением осмотрелась вокруг. Стало чуточку страшно, что среди такой убогой обстановки, жить придётся.

– Ну, немая, не глухая – это хорошо! – прервала её раздумья тётушка Катерина, – значит, слышишь меня. Проходи, снимай, с себя пальто, на гвоздь возле двери вешай.

Маша кивнула в ответ, отыскивая вешалку и прицепляя туда свою одежду.

– Разглядеть тебя получше хотелось бы, да ладно – после. Сейчас, краюху хлеба дам, да кружку кваса. Поешь и ложишься на лавку, отдыхай с дороги. Потом все решим, торопится теперь некуда, – затараторила старушка.

Почему-то тётке Катерине в этот момент вспомнилась деревенская юродивая. В Березовке, на другом конце деревни проживала глухонемая женщина, которая не говорила и не слышала с самого рождения. Когда ей чего-то нужно было – громко мычала, махала руками. Со стороны виделась, как сумасшедшая. Еще раз взглянула на племянницу и улыбнулась: племянница на умалишенную была не похожа. Катерина сознавала, что виной безмолвия стал жуткий случай, когда Маша мать в петле увидела. Кто знает, может, потом заговорит бедняжка?

Маша, хоть и находилась в смятении, от перемен и неясности своей дальнейшей судьбы, сердцем понимала, что попала в нужное место: «Я ей родная, здесь спокойнее будет, не то, что в приживалках. Во всем помогу, скрашу старость. Стыдно, что Бабой-Ягой её представила».

Машенька, не имея речи, часто разговаривала сама с собой, размышляла. В хорошенькой головке всегда была какая-то фантазия. Внутренние диалоги часто помогали быть сильной. Но больше всего ей нравилось петь. Услышит песню, запомнит, и повторяет по нескольку раз. Одно непонятно – в голове слова есть, а наружу почему-то не выходят, застревают где-то внутри.

Сейчас же подумала: «Нужно обязательно понравиться тётушке». Съела ржаную корочку, запила кислым квасом и прилегла на лавку, как та велела.

Вот так и появилась в Березовке новая жительница, которую Катерина ласково окрестила – Манюшкой. Само на язык легло ласковое прозвище. Березовские так же называть стали. Девчушка, к любому труду приучена, на все руки горазда: помыть, постирать, копать, за скотом ходить. Грязную избу Катерины в два счета отмыла, тряпочки все отстирала, пауков повывела.

Тётушка Катерина довольна. Запала в её сердце сиротка. Деревенским соседям, с кем знакомство водила, всегда её нахваливала. С гордостью и любовью рассказывала, какие преобразования в доме случились – чистота и порядок. Оттого мнение о прибывшей племяннице сложилось хорошее. Да и видели все вокруг, что Маша – умница, скромница и хозяйшюшка. Мимо пройдет, улыбнется, головой кивнет. Не девушка – золото!

Катерина в Березовке тоже была чужая, не рожденная в этих краях. Приживалась постепенно, через страдания и боль. В молодости красавицей была и даже в старом возрасте отпечаток бывлой красы остался: ясные синие глаза, открытый взгляд, русая коса до пояса. Родовая у них такая: все женщины синеокие, светловолосые.

До этого жила в городе. Дом новый, хозяйство крепкое, достаток и порядок во всем. Муж на лесопилльне работал, прилично зарабатывал. Катерина одного за другим сыночков родила, только те – один – семи лет, другой – пяти в одно время померли, заболели животы у них, горячка открылась. Горе Катерина тяжело пережила, поседела. Других чад бог не послал.

Жили с мужем, заботясь, друг о друге, пока не настигла их новая беда. Поехал супруг на лесозаготовку. Дерево то, наверное, два века стояло, пока его спилить не решились – огромный дуб, кронами в небо со стволом неохватным. На весь лес один такой вымахал, желудями всю землю вокруг усыпал. Пилили тот дуб с напарником двуручной пилой. Кора плохо поддавалась, словно железная, разве, что крошилась мелкой стружкой. После, когда до мягкой древесины дошли, все равно помучиться пришлось. Пока старались-трудились, планы строили: древесина ценная, хоть ложки из нее режь, хоть табуретки с лавками. Когда спиленный дуб начал наклоняться, напарник прочь отскочил, а муж опору держал. Ну, где человеку против такого исполина выстоять? Свалился дуб, подминая неразумного трудягу под себя, ломая ему ноги и спину. В одночасье из здорового сильного мужчины получился калека. Он всегда, на

любую работу горячий был, все стремился больше заработать. Где другой поглядел бы, помог немного, не напрягая живота, брался за непосильную ношу. Это и сыграло с ним злую шутку.

Катерина за мужем, как за маленьким ходила, худыми словами не попрекала, на чудо и исцеление надеялась. Но хворь распорядилась по-иному: помер мученик через год. Катерине на то время за сорок лет минуло. Считай, бабий век позади: детей не нажила и мужа потеряла. Замуж больше не пошла, да и не предлагали. Пропадая от одиночества, не стала возражать, когда к ней золовка с семьей переехали. Вместе веселее, решила по доброте душевной.

Вещей в доме Катерины появилось много, золовка весь скarb притащила: сундуки, ложки-плошки и прочее. Со всеми домочадцами переехала: муж, трое деток. Сначала жили дружно. Потом на золовку дурь напала – мужа ревновать к Катерине стала. Зорко следила за каждым шагом своего благоверного, сочиняя небылицы о его похождениях на сторону. Катерина стала первой кандидаткой в его любовницы. Едкие слова обвинений золовка обрушивала на голову ни в чем неповинной родственницы. Только Катерина никогда не помышляла разлад в чужую семью вносить, тем более становится чьей-то любовницей, не того она воспитания, да и память об умершем муже не позволяла.

Ярость золовки проявлялась в самых глупых ситуациях, даже мелкие бытовые вопросы решались с неизменной грубостью и криками. Если хотелось Катерине приготовить еду, постирать, либо в баню сходить – приходилось разрешения спрашивать, не хотелось лишние неудобства доставлять. С какого-то дня, сейчас уже и не вспомнить, перестала Катерина быть хозяйкой в собственном доме.

Дальше – больше: пошли жуткие склоки. Золовка стала хлебом помыкать: «Ты – ешь наше!», кухня-то одна. Терпела Катерина до последнего, в своем доме мечтала век дожить среди родных людей. Скоро невтерпеж стало. Сто раз каялась, что добрая, не может слова поперек вставить. Глядишь, умела бы за себя постоять, сложилось бы всё по-другому. Золовка – женщина умная, быстро своё превосходство поняла, взяла хозяйство в руки, а для невестки лишь угол за печкой оставила.

Катерина поняла, что лишняя стала, мешала даже детишкам, с которыми играла и водилась. Золовка всех смогла против настроить. Больше так не могло продолжаться, живой в гроб не ляжешь. Собрала скромные пожитки в узелок и отправилась в Берёзовку. Помнила, что сестра двоюродная здесь живёт, такая же бездетная, как и она. Надеялась, что заживут потихоньку, друг другу помогая. Но оказалось, что сестра уже три года как умерла. Затужила Катерина: обратно возвращаться некуда и здесь хоть в чистом поле шалаш строй. Дом двоюродной сестры развалился за три года, а его остатки на дрова по соседям разошлись.

Деревня Берёзовка – нищая, селится некуда, даже на временный постой никто не пускает. Избы серые, угрюмые, друг от друга заборами высокими огорожены. Вокруг леса, болота. Плодородной пашни мало. Испугалась Катерина не на шутку.

Но, как оказалось на самом деле, мир не без добрых людей. Каждого пришедшего в Берёзовке сразу замечали. Вышел народ на улицу, увидели, что незнакомка по деревне мыкается. Начали расспрашивать, узнали, что не от хорошей жизни тут появилась. Одна сердобольная крестьянка, которую величали «Зойкина мать», позвала к себе жить, дала кров и кусок хлеба, пусть и на время.

В ту же самую пору освободилась маленькая избушка на два окошка на самом краю Берёзовки. Её хозяева за лучшей долей в город уехали. Рядом с избушкой пустое место от сгоревшего дома осталось. Поэтому получалось что она, от остальной деревни на большом отшибе. По странному обстоятельству, при пожаре, избушка эта в центре пламени была, а огонь мимо прошел, будто колпаком накрыло.

Перебралась Катерина в избушку, радуясь собственному жилью, пусть и такому бедному. В этом неустроенном быте все сначала начинать пришлось: дров нет, есть нечего, ни ложки, ни плошки, голый пол да стены. Сама уже старая женщина, как от работницы – проку никакого.

Потому ветхую избушку обустроила как смогла. От прежних хозяев осталась лавка, да печка, этим скарбом и обошлась. Первое время старалась привести всё в порядок: выдирала крапиву да полынь вокруг избушки, пока не выбилась из сил. После той тяжёлой работы лежала на лавке два дня, держась за сердце, ожидая смерти. Немного придя в себя, решила, что не станет больше полоть бурьян: «Пусть зарастает вокруг, а то так можно и концы отдать».

Сначала деревенские жители сторонились Катерины, присматривались. Но поняв, что человек она добрый, спокойный приняли за свою. Здоровались поутру, встречая на улице возле колодца, рассказывали новости, делились проблемами и деревенскими сплетнями. Катерине повезло, что деревенских детишек надо было вываживать. А она ничем не занятая, могла няньку заменить. Пока родители занимались хозяйством, она за малышами смотрела. Платили, кто, чем может: едой, поношенной одеждой, кухонной утварью. Любопытные мамочки первое время задавали Катерине вопросы о её происхождении: «Кто такая? Откуда?». Надо же знать, кого в дом пустили. Катерина всегда ловко уходила от расспросов, не желая делиться воспоминаниями о несчастном прошлом. Стыдно рассказывать, что её выставили из собственного дома. Если снова заходила тема, повторяла одно и то же: «Безродная я, деваться некуда. Сестра здесь жила, место хорошее, оттого и явилась». Не хотелось никому душу изливать – жалость к самой себе после этого изводила. Лишь оставшись без посторонних глаз, в убогих стенах своего нового жилья, плакала, от обиды на злой рок. Часто приходили мысли, что в случае смерти даже похоронить некому: закопают как собаку, ни молитвы за упокой, ни милостыни подать.

Юная племянница появилась как нельзя, кстати, и принесла в жизнь стареющей тётушки Катерины лучик света. Манюшка с нею в мире и покое зажили.

Манюшке тоже повезло: никто больше сиротку не бил, не ругал. Какую работу делать, она сама решала, все ладилось и в доме, и на улице. Тётушка не указывала, наоборот, ласково говорила все время:

– Отдохни, Манюш! Сегодня всё переделаешь, на завтра не останется!

Маша «сияла» от этих слов и ей хотелось сделать ещё что-то, чтобы порадовать свою любимую тётушку.

Жить этой парочке было где, но питание у них скудное: хлеб ржаной с примесью, кисель овсяный, каша из гороха. Вкус мяса и молока давно забыли, своего скота-то нет. Овощей не вдоволь, так, по-малости: капусты квашеной, репы, моркови. По случаю, котомка сушеной свеклы досталась, квас поставили, толокно овсяное высушили. Зато в холодные дни ароматный травяной чай заваривали, кипятком душу грели.

Надо сказать, что к шестнадцати годам Манюшка хорошенькая стала: худенькая, но все на месте – фигуристая. Всем на загляденье. Волосы – цвета солнца, коса с руку толщиной; глазищи, взгляд не оторвать, большущие, голубые, как ясно небо; губки алые – маков цвет. Не напрасно дядька Василий снегурочкой называл. На такую красавицу хоть мешок холщевый вместо платья надевай – все равно краше всех будет. На деревенских девушек Манюшка и вовсе непохожая. Они сплошь угрюмые, с тяжелым взглядом, а от неё свет ясный, лучистый идет.

Катерина, разглядывая племянницу, часто повторяла: «И в кого ты такая уродилась? Отец твой – рябой был, сестрица моя, царствия небесного, ростика небольшого, полненькая, а ты и высока, и бела и личико, как у ангелочка».

Манюшка лишь улыбалась в ответ. Видно, что тётушкины слова ей по сердцу были. Как только скажет ей, что она на личико красива, хочется со стороны посмотреть. Жаль, что в их избушке зеркала не было. Последний раз Манюшка смотрелась в своё отражение в дядькином доме. Но тогда интереса к внешности не имелось, да и некогда было – работала с утра до поздней ночи. Теперь, казалось, что с момента отъезда целая вечность прошла.

Отправляясь, в очередной раз водиться с малышами, тетушка Катерина позвала Манюшку с собой. В многодетной крестьянской семье шестеро ребятишек: пять девочек погодок и последний паренек. Девчата визгливые, шумные, за ними глаз да глаз нужен, а малец без

конца хныкал и просился на руки. Манюшка, имея опыт в присмотре, с радостью пустилась забавляться с детишками. Играла в догонялки, жмурки, пока не выбилась из сил. А они ничуть не устали, наоборот, прыгали, вертелись, требуя продолжения.

Тут Катерина, пытаясь усмирить взбунтовавшихся сорванцов, усадила их вокруг себя и тихим голосом начала рассказ. Мастерница она была выдумывать разные небылицы. В этот раз её сказка была о прекрасной девушке, вылепленной из снега и льда, которую звали Снегурочкой. Катерина, специально выбрала именно эту историю и рассказывала для ушей любимой племянницы. Хотелось придать назидательный смысл сказанию и дать жизненный совет для выросшей девицы. Катерина не понаслышке знала, что нельзя быть доверчивой и наивной входя во взрослую жизнь. Век её не долог, потому Манюшке придётся устраивать жизнь без её советов и помощи. И ещё потому, что в каждой сказке – лишь доля сказки.

Речь плавно и завораживающе заполняла всё пространство. Маленькие шалуны замерли, замолчали и устремили взгляды своих пытливых глазенок на рассказчицу. Манюшка присела, рядом с ними и приготовилась слушать.

– В некотором царстве, в некотором государстве, жили-были...

Катерина вела долгий рассказ, а нам достаточно и пересказа. Суть в том, что у лютого старого Мороза и восхитительной юной Весны народилась доченька, которую называли Снегурочкой. Прелестная ледяная дева была соткана из легкого воздушного снега и чиста не только душой, но и телом. Невиданной красоте завидовали звёзды на небе, а месяц смущался при каждом взоре на обворожительную девушку. Снегурочка жила в волшебном лесу с родителями, но чувствовала себя одинокой. Однажды увидела она людей и захотела принять человеческую жизнь, радоваться и любить. Опечаленная Весна пыталась объяснить, что любовь – слишком жаркое чувство, способное растопить ледяное тело Снегурочки. Непослушное дитя полюбило земного принца, который погубил её. От любовного пыла, красавица обратилась легким облачком и растаяла.

Дивная сказка растревожила нежную девичью душу. Пока Манюшка слушала окончание, слезы катились по её щекам. Добрая тетушка погладила по милому личику:

– Надо же, какая ты, восприимчивая, Маша! Не расстраивайся попусту, это всего лишь сказка, не примеряй её на человеческую жизнь. Разве что, постарайся понять смысл: нельзя жертвовать жизнью ради порывов любовных, иначе можно погибнуть. Любовь – это не только радость, это, прежде всего страдания. Хочу, чтоб ты, светик мой, зоркость не теряла, да и головой думала, а не сердцем.

Прошло много дней с той поры, но Манюшка ещё долго думала о сказочной Снегурочке, и все равно из истории вынесла совсем другой смысл, нежели тетушка объяснила: любви в жизни не избежать, нужно принять её в дар, за который не жалко жизнь отдать.

Тетушка Катерина больше не рассказывала таких душещипательных историй, боясь вызвать лишние переживания для неокрепшей натуры. Делилась только волшебными сказками о прекрасных принцессах и царевнах, удачно выходявших замуж за принцев. Речи заканчивались одинаково: «Все жили долго и счастливо».

Долгие вечера коротали вдвоем под свет свечи и уютную молву мудрой женщины. Манюшка знала о невыносимых испытаниях, выпавших на долю тетушки Катерины. Тем удивительнее слушать светлые повествования из уст несчастной, испытавшей столько горя. В том и есть сила русской души, которая не ломается от невзгод. Катерина была преисполнена огромного человеческого терпения и смирения. Манюшка полюбила её всем сердцем и больше не жалела о прошлой жизни в доме дяди Василия.

Знала бы милая девонька, что судьба приготовила ей не менее тяжелый жизненный путь.

Глава 2

Жизнь постепенно входила в спокойное русло. В староверской общине для Манюшки нашлось занятие. Зимой трудов не так много, как летом. На разный труд пошла: тут нужно сено раскидать, там мешки перетаскать, овса коням задать, в амбаре зерно перегрести, чтоб не гнило. За все бралась, показывала себя с хорошей стороны. Потому, когда случался приработок, соседи её на помощь звали. Расплачивались, чем бог пошлёт: мукой, картошкой, могли и каравай хлеба подать, кринку молока. Так что на прокорм и себе и тётке Манюшка добывала.

Тут опять оказия приключилась, одежда на Манюшке совсем ветхая стала – пальтецо на «рыбьем меху» ни от холода, ни от мороза не защищало. Зимой бы: тулупчик потеплее, валенки, да платок пуховый. Только дядька Василий узел с исподним с собою позволил собрать, а так, что хочешь – то и носи. У тётки Катерины тоже не густо: виток льняных ниток, да три пуговицы в кармане. Все тряпки по пальцам можно пересчитать.

Деревенские женщины тоже не в достатке жили, платья до дыр носили, штопали, перешивали. Обновку сшить или купить – целый год копить, а еще детки без штанов бегали. Взаимы одежду не дашь, да и делиться жалко. Только, видимо бог любил обездоленных: с миру по нитке – голому рубаха. Горе не беда – скоро и этой проблеме нашлось решение.

Наискосок дома тётки Катерины, проживала весёлая бабёнка Зойка, числившаяся в разведенках. На лицо красивая, с пышной высокой грудью, крутыми бедрами, румяными щечками, сочными губами цвета спелой вишни. Цветущая, свежая, манящая, а главное – смешливая, беззаботная. С такими легко сходить-разбежаться, без всяких обязательств. Мужики к ней гуртом ходили. Понятно зачем: не сказки друг другу рассказывать, да и не чай гонять. Зойкина слава далеко звенела. В деревенских сплетнях байки о Зойке на первом месте.

До этого, обычная семья была, но Зойкино замужество коротким оказалось. Вроде жили складно, но как ни старались, ребеночка не получалось завести. От этой нужды Зойкин супруг подался на сторону, в соседней деревне невесту нашёл. К превеликой его радости, новая зазноба сыночка родила. Изменщик про законную супругу забыл и в другой семье навсегда обосновался. Бросил подлый изменщик!

Конечно, Зойка поплакала в подушку, погоревала о несчастной женской доле. Но спустя короткое время, отошла. По случаю, пустила на постой квартиранта – молодого, горячего, до любви охочего. Тут тоска и прошла: ожила Зойка. Красавец удалой тискал, мял её сочное тело почти каждый день. Губы от поцелуев жарких заживать не успевали. Одно плохо – уважал квартирант с друзьями посидеть, крепкого выпить. Разведенка Зойка в компании такой вскорости тоже прирастилась пить. Покатилась жизнь молодая колесом, да не в ту сторону. Что ни день – то праздник. Внимания мужского с избытком. Берёзовские заметили, что разведёнка нарядная, гладкая стала. Только недолго длилось Зойкино счастье – уехал любовничек восwo-яси, как появился, так и пропал. Ни письма, ни весточки, как в воду канул.

Зойка, к удивлению соседей, больше горевать не стала. Чего слезы понапрасну лить, когда кругом кавалеров «поле непаханое»? Решила, что на её век мужиков с избытком хватит. Рядом: то один, то другой – пьянки, гулянки. Жизнь лихая оказалась Зойке по вкусу, удержу нет и неважно с кем по утрам просыпаться.

Деревенские женатики, от своих благоверных втихаря к Зойке тоже похаживали. Никто с пустыми руками не являлся. Из семейных запасов тащили, втихаря от жены и детей. Любо Зойке – и сытая, и одетая. Не раз бабёнки задавали разведенке трепку. Синяков наставят, волосы повыдергивают, а ей хоть бы что. Отряхнулась и пошла опять в ту же сторону. Подвыпившие дружки тоже часто Зойке под глаз кулаком проставляли. Ерунда, за пустую науку: слово-за-слово. Потом в койке мирились, и опять всё шло по любовному. Да и колотить Зойку

не за что было – безотказная. Зойка часто шутила над собой, когда с очередным синяком через деревню шла:

– До свадьбы заживет! – отвечала она на вопросы любопытных соседешек, хотя верно знала, что, вряд ли её замуж позовут.

Беспутная, но сердце доброе, к чужому горю открытое. Родить сама не могла, а деревенским сорванцам всегда гостинцы раздавала. За это любила её деревенская детвора. А Берёзовские женщины все без исключения сторонились Зойки, дружбу с ней не водили, даже здоровались неохотно. Порочный образ жизни никому не нравился, на всю деревню одна такая получилась. Осуждали, клички обидные давали, как только за спиной не склоняли. Зойка огрызалась, могла в ответ крепкое словцо бросить.

Зойкиной матери жилось хуже всего. Она – женщина совестливая, богобоязненная, а худую дочь воспитала. В отличие от непутевой дочери терпеливо все колкости от деревенских жителей слушала, глаза от стыда прятала. После под иконами замаливала не свои грехи. Но даже под расстрелом она не отказалась бы от своего ребенка – одна кровиночка. Зойка была её единственной дочкой.

Так вот, эта самая Зойка Манюшку встретила, увидела, что девчонка ходит как оборванка. Сжалилась, решила помочь сиротке.

– Приходи ко мне Манюша, кой чего из своих нарядов отдам. Размерчик не тот, но уж постараемся что-то сообразить.

Манюшка обрадовалась, в тот же день к Зойке помчалась. Такая удача не каждый день.

В большом кованом сундуке у Зойки завалилось много ненужных вещичек, которые никогда не одевались и хранились на черный день. Копились платья, складывались в стопку в сундуке, а радости и проку не приносили. Зойка ворчала, прикладывая к Манюшкиным плечам, то одну обновку, то другую.

– Велико! – с досадой говорила она, – Отбрасывая в сторону кофточку, – Это тоже не подойдет. Какая же ты худышка!

Всё же нашлась пара льняных рубашек, ещё юбка, вышитый передник, кофтёнка, узорный платок, теплая душегрейка. Нарядилась Манюшка, как барыня, сияет от счастья. Зойка довольна:

– Носи, покуда не полиняет, после еще приходи!

Манюшка кивнула, улыбнулась – такая женщина славная попалась. Без денег столько добра отвалила, не пожалела.

– Иди с богом, милая! – начала выгонять её Зойка, едва в её дверь постучали, Иди, захаживай, как соскучишься.

На пороге Зойкиного дома, переминаясь с ноги на ногу, стоял мужичок из соседнего села, бывший в Берёзовке проездом.

– Зой, я на пару дней приехал, громко сказал он, провожая Манюшку на улицу, –пустишь или дальше следовать?

– Пушу, куда я денусь, – весело со смешком ответила Зойка.

– А это подружка твоя? – кивнул гость на Манюшку, – красивая!

– Ты, это, слюни не пускай. Не видишь, молодница она. Не для тебя и таких как ты зреет.

– Для меня, Зочка, ты в самый раз созрела, – ответил гость, проходя в дом и запирая за собой дверь.

Манюшка все эти взрослые игры уже хорошо понимала и про Зойку сто раз сплетни уже слышала. Только эта женщина была ей приятна. В подруги, конечно, не годилась, но и осуждать её она не смела.

Манюшка к этому времени не со всеми ещё в деревне познакомилась. Но это оказалось делом скорым. Возле прогона, по правую сторону жил-поживал одинокий бобыль Мирон – бездельный мужик. Звали его под стать – «Пустозвоном». Внешности особой: худ, сер, роста

высокого, как жердина. Полушубочек дырявый носил на голое тело. Круглый год в залатанных, подвязанных бечевой валенках ходил. Жилье Пустозвона для жизни непригодное: дурно пахло, да и стылое – топить нечем. Что уж про питание говорить. В избенке коротал мужичок холодные ночи, а днем, проголодавшийся и замерзший, бродил от дома к дому в поисках куска хлеба на дармовщину и согрева. Работать с детства не привык, потому что маменька его пестовала – работала за него и за себя. Воспитывала одна после того, как муж с войны не вернулся. Всю любовь и заботу вложила в единственное дитяtko. Оберегала от тяжелого труда. Любимая поговорка: «Успеет, наработается еще!» К великому горю Мирона, матушка недолго пожила. Остался Мирон один, ни к чему не приученный, да и лодырь великий. Каждый день ждал он милости свыше. А главное его занятие – сплетни деревенские из одного конца в другой переносить. Кто-то его мимо гнал, кто-то до новостей охочий сидел, слушал. Мирон знал всё и обо всех – объявлял новости с толком и расстановкой.

Когда узнал про появление Манюшки в их деревне, бегом отправился сообщать это известие во все деревенские уши.

– Племянница у Катерины прибыла, – с порога начинал рассказ в доме, куда ступала его нога.

– И чего? – тут же отвечали ему, ожидая продолжения.

– Больно уж хороша!

– Сам видел?

– Вот те крест, – продолжал Мирон, – Красавица! Ладная, пригожая! Только...

Нравилось Мирону тайны добавлять.

– Договаривай, – нетерпеливо следовал вопрос.

– Немая она.

– Вот так оказия! – удивлялись Берёзовские.

Ох, Пустозвон! Умел разжигать интерес. Всем была охота посмотреть, что за «птица» прилетела в их края. Деревенское любопытство имело исконную особенность: обсудить, косточки перемыть, приукрасить и добавить своими домыслами, чтобы было интереснее. Даже если объект сплетен не обладал нужными качествами, ему такие приписывались. Молодые девушки в этом случае были под особым пристальным вниманием замужних баб, мужья которых частенько ходили налево. Если на горизонте появилась красавица, значит – следует ждать беды. Охотники полакомиться найдутся: «Новая лошадка, куда справнее старой». Со стороны обиженных жен, добра не жди. Ни одна особь женского пола не избежала участи быть осмеянной, опороченной в глазах остальных жителей деревни в целях защиты собственной семьи.

Понятное дело, поглядеть на Манюшку всем захотелось. Придумали на вечерку её заманить. Подговорили Наталью, которая с Манюшкой уже знакома была, в общине вместе на работу ходила.

В Берёзовке молодежь собиралась на вечерние посиделки. Готовили нежилую избу, чтоб старикам не мешать. Девушки приходили с прялками и пряли жесткую льняную пряжу или вышивали крестиком полотенца, шили немудреную одежду в приданое. Иногда в праздники собирались и без всякой работы, чтоб только повеселиться. Парни и девушки пели частушки, разговаривали, симпатию друг к другу показывали. Длинные осенние и зимние вечера коротать вместе интереснее. Родители охотно разрешали взрослым детям засиживаться допоздна, знали, что ничего плохого с ними не случится. На посиделках парни присматривались к девушкам: и красива, и поет хорошо, и рукодельница. После выказанной симпатии с обеих сторон, засылали сватов. Так в Берёзовке образовывались новые семьи.

Женихи являлись, когда все девушки были в сборе, зачастую с гостинцами: пряниками, карамельками.

– Здравствуйте, красные девицы! – приветствовали парни.

– Здравствуйте, добры молодцы! – раздавалось в ответ с женской стороны.

Под дружный смех, начинались игры – потешки: «Жмурки», «Прятки». После забав водили хороводы и пели частушки. Моднo было устраивать песенные соревнования.

Невесты хором запевали:

«Старичонок на поседки приходил,
Полну пазуху парёнок приносил,
А парёночек нам хочется,
Старика любить не хочется,
молодого не находится,
старика любить приходится».

А парни отвечали:

«Ах, ты мать, моя маменька,
Ты скатай-ка мне валенки:
Не велики и не маленькие,
Чтобы были аккуратненьки,
Чтобы девки любили меня,
На колени садили меня,
Стары суки не глядели на меня».

Засидевшимся в невестах, нужно было постараться, чтобы проявить себя в лучшем свете, когда заходили самые завидные женихи. В Берёзовке такими слыли два брата Павел и Иван – сыновья местного богатея Якима. Павлу минуло двадцать один, а Ивану – восемнадцать. Старший разительно отличался от брата: высокий, широкоплечий, лицом красив, волос черный кудрявый. Иван же – невысокого роста, полноватый, неуклюжий, широконосыый.

Павел, понятное дело, девчатам особо нравился, но зазнавшийся паренек был груб, резок и от деревенских дев нос воротил. Ему принцессу подавай. Думал выбирать себе под стать, чтоб обязательно лицом красива, телом стройна, да вдобавок умна. Вокруг невест навалом, только взять некого. Куда ни глянь, все не то: одна – мала, другая – толста, третья – глупа и так далее – все с изъяном.

Зато его брат – Ванюшка, звезд с неба не хватал, вел себя проще. Никого вниманием не обходил, половину деревенских девчонок перещупал. Балагур и шутник.

У этих женихов наследство богатое. Выйти замуж за любого из братьев – предел мечтаний для любой деревенской красавицы. Только вот добро к добру. Ни для кого, ни секрет, что невеста с достойным приданным должна прийти. Отец братьев уже позаботился и присмотрел для сыновей выгодные партии. А пока они развлекались, холостой жизни радовались.

Их отец – Яким недоброй славой в Берёзовке пользовался. Жестокий, стального характера мужчина, держал деревню в страхе благодаря тяжелой руке и вздорному характеру. По его тюремному прошлому, облюбовали Берёзовку бывшие сокаторжники. Как отбыли срок, к нему в гости на постой являлись. Яким без вопросов привечал друзей, сам с ними три срока мотал. По роду-племени был он из местных, староверских, но на все уставы плевал с высокой колокольни. Моралью отличался от простых крестьян-работяг, ему человека прихлопнуть, что муху. Добрые люди боялись Якима, даже не смели за его спиной шептаться, вдруг узнает, тогда пощады не жди. Ох, и норов! Кулаки так и чесались. Сначала махал, без разбору, а только потом разбирался в чем суть. Поэтому, что бы ни происходило в жизни бывшего преступника, деревенские жители пропускали мимо. Попросту глаза на всё закрывали: себе дороже.

Яким – мстительный, беспринципный человек, если считал, что его гордость задета, мог жестко наказать. За слова цеплялся – надо было знать, что ему можно сказать и когда. Поговаривали, что двое его обидчиков пропали без вести. Года три, может четыре, прошло с той поры, былшем поросло, а слухами всё ещё земля полнилась.

Прибывшие на постой дружки Якима, волей судьбы, оставшиеся без крыши над головой, приживались по деревенским вдовам или одиноким женщинам. Обзаводились хозяйством, но

и про промыслы свои не забывали: «Горбатых могила правит». Наведывались по соседним селам. Собирались гурьбой по три-четыре человека, обозы грабили: зерно, муку, тряпки всякие отбирали, когда повезет и деньжатами разживались. Хватали все, что под руку попадет. После вылазок кутежи устраивали, у небезызвестной Зойки, которая с любым ласкова была, лишь бы барышом делились.

В деревне часто появлялись новые лица, но многие и исчезали. Некоторые дружки вновь по этапу уходили, кто-то налетал на случайный нож в пьяной драке, кто-то попадался на краже, а другие – погостив в Берёзовке, двигались до родимых мест. На постоянное проживание оставалось мало, только те, которым идти было совершенно некуда. Зато каторжники, оставшиеся в Берёзовке, были в полном распоряжении Якима. Его почитали за старшего. Так сколотилась банда отъявленных бандитов, за копейку душу продавших, во главе с Якимом.

Главарь Яким пользовался превосходством и с удовольствием пожинал плоды своих трудов. Добрую долю награбленного в благодарность за приют от дружков получал. Сам же никого не грабил, масть не та, а жил, как сыр в масле катался. Дом самый лучший в деревне: высокий, с крашеной верандой, на две половины – зимнюю и летнюю. По деревне ходили слухи, что при строительстве дома, Яким замуровал горшок с царскими червонцами в кирпичную стойку фундамента. Награбленное хранил впрок. В кованых сундуках скопилось много всякого добра: отрезки ткани, посуда, медные иконы, церковные рукописные книги, подсвечники барского вида и прочие ценности. Только у него водились редкие по тем временам никелированные самовары, фарфоровая расписная посуда. Достаток был виден во всем, не то, что у остальных, перебивающихся с хлеба на воду. У него и мясо, и сахар – не только по праздникам. Закрома ломятся: полный амбар с зерном, погреб с солониной.

Павел с Иваном на отцовские денежки, без нужды будущую семью могли обеспечить. Это и прельщало деревенских девиц на выданье, из кожи вон лезли, чтоб братьям понравиться.

В один из дней, Наталья с утра «песню» завела:

– Манюш, пойдем на вечёрки. Весело будет. Хватит тебе дома сидеть! Составь мне компанию, будь моей подружкой.

Манюшка, как обычно, в ответ согласно кивнула. Если зовут – надо идти. К тому же Наталья ей очень нравилась, хотелось иметь такую подругу.

Тетушка Катерина даже обрадовалась:

– Пойди, родная, развейся. В пору уже женихов высматривать, подружек искать. Нечего возле старухи сидеть.

В тот день припозднились девчонки, пока коров подоили, сена им задали, сумерки уж наступили. Пришли на вечёрку, а там полная изба народа. Встали возле двери, чтоб осмотреться. На лавках, вдоль окон сидели молодые девушки. Одна из них, с громким сильным голосом начала петь что-то вроде романса, о том, как бросил милый друг, другую полюбил. Да так проникновенно и чутко, что мурашки по спине побежали.

Где девичий мой смех серебристый,

Где беспечная резвость моя?

Всё ему одному безраздельно

Отдала, безрассудная я.

Я готова забыть своё горе

И простить ему всё его зло,

Не корите ж меня, не браните,

Мне и так тяжело, тяжело...

Искренние слова Манюшке в сердце запали, до слез прошибли. Вздыхает, горемычная, думает: «Вот, кабы у меня голос был, интересно, смогла бы я так спеть?» Внутри себя фразы повторяет, запомнить пытается. А зачем? Не сгодятся же!

Девчата заметили в дверях Наталью и рядом с нею незнакомку. Песня тут же оборвалась на полуслове и любопытные взоры устремились на Манюшку. Разглядывали с головы до пят, перешёптывались между собой. Неловкая ситуация вынудила Манюшку засмущаться, не расписная картинка, чтобы перед всеми на обозрении стоять. Щечки заалели. Оглянулась на Наталью, заманившую её в ловушку, и нахмурилась.

– Присядем? – предложила Наталья и указала на свободное место.

Выбрали местечко на крайней лавочке в углу. А что толку? Все равно все продолжали пялиться. К тому же вокруг воцарилось молчание, словом, никто не обмолвился, ни тебе здравствуйте, ни до свидания. Манюшка на таких собраниях ни разу не бывала. Всё в диковинку – народу незнакомому – тьма. На подругу Наталью разозлилась за то, что привела её сюда. Хотелось сейчас же убежать и больше здесь не появляться.

– Подружки! – наконец очнулась Наталья, – это Манюшка, племянница тётки Катерины, прошу любить и жаловать! Теперь она с нами будет. Принимаем её в свой круг?

Девчата загудели, будто ждали команды. И уже через пару минут, Манюшка была признана своей. Про неё забыли, занявшись увеселениями. Снова зазвучала песня, все шутили, обсуждали деревенских женихов. Скоро несколько парней явились на вечерку и подсели к своим невестам. Стало ещё веселее. Девчата ещё больше оживились, стараясь привлечь внимание.

Вдруг, в разгар веселья прибыли братья Павел и Иван. Как всегда позже остальных. Иван сразу к девчатам подскочил, щекотать начал до визгливого хохоту. Павел, по обыкновению, глазами всех обвёл и к стеночке встал. Его лицо не выражало интереса к происходящему.

Манюшка такого красавца, как Павел, никогда не видела, взгляд отвести не смогла. Павел её глаза заметил. Тоже интерес появился. Слухами земля полнилась, уже давно трезвонили, что к Катерине приехала племянница. Все эти слова мимо ушей пропускал, но уловил одно – девушка немая. Первый раз только здесь увидел и удивился: «Надо же прелесть какая! Личико светлое, красивое, поглядеть приятно».

Осмелился подойти. Прежде такого влечения ни к одной из девушек не испытывал. С первого взгляда, словно молнией поразило. Спросил первое, что на ум пришло:

– Не скучно тебе у нас?

Красавица промолчала в ответ. Засмущалась, щеки покрылись румянцем. Потом догадалась, головой отрицательно мотнула.

Павлуша понял, что попал впросак. Вспомнил, что девка, то – немая. В голове не укладывалось, что такая краса речи лишена. Задумался, как дальше ему с такой странной девушкой знакомство продолжать. Что ни спроси, все впустую, не ответит же.

Но иногда всё понятно и без слов. Глаза из встретились и пробежала между ними искра. У парня голову закружило, а Манюшка в сердце неясную тоску почувствовала. Сильное, необъяснимое чувство завладело обоими.

Только Павел присел рядом, молодежь уже по домам засобиралась, завтра вставать спозаранку.

– Манюш, нам пора, – напомнила Наталья, – тётка Катерина, наверняка волнуется. В её голосе слышался укор.

Манюшке вовсе не хотелось уходить, ещё бы пару минут, чтобы Павел побыл с нею рядом.

– Идем! – продолжала Наталья, и тянула её за руку. Ничего другого не оставалось, как подчиниться, потому что в избе они остались последними.

Вышли на улицу, Манюшке с Натальей дорога по пути. Встали на тропку, взялись под ручку и зашагали к дому. Наталья начала причитать:

– Ты, смотри, про Павла забудь. Не твоего поля ягода.

Манюшка недовольно одернула подругу за рукав.

– Можешь сколько угодно сердиться, но поверь, разобьет он твоё сердечко. Тебе другой нужен: добрый, искренний. А Павел...

Наталья состроила презрительную гримасу:

– Я бы на твоём месте никогда не стала смотреть в его сторону. Он злой. Всем вокруг известно, какой он негодяй! Я лишь добра тебе желаю.

Манюшка лишь усмехнулась. Не поверила. Не может такой замечательный парень быть злодеем. Наталья по характеру была завистливой, оттого постоянно наговаривала на других.

Павел остался стоять посреди деревни. В голове у него роилась тысяча мыслей о том, что случилось, и лёгкое сожаление о том, что свидание с красавицей оказалось таким недолгим. Долго ещё смотрел вслед удаляющимся подружкам, ждал, не оглянется ли Манюшка. Никак не мог понять, что за наваждение такое?

Оказавшись дома, он лёг в постель, но перед глазами всё ещё стоял образ милой девушки. Он воображал, как будет целовать Маню, как её губы станут сладкими от поцелуев. Он обнимет её хрупкое тело своими сильными руками и прижмёт к себе, наслаждаясь нежностью момента. А потом он снимет с неё одежду, чтобы ощутить её нежную грудь и провести ладонями по гладкой коже. Она, словно пташка, вздрогнет, а затем обхватит его руками, стгорая от страсти.

От безудержных фантазий у юноши закружилась голова. В его жилах закипела кровь, и он не мог думать ни о чём, кроме прекрасной незнакомки. Стал мечтать о ней день и ночь, строя в воображении планы, как они будут вместе. В своих грёзах он видел её в своих объятиях, покорную и нежную. Он потерял покой, словно был околдован.

С тех пор Манюшка не посещала вечёрки. Ей было не по себе от излишнего внимания. Она вспоминала, как на неё смотрели, будто на прокажённую: «Вот так диковина – немая девка!» Наталья много раз звала её с собой, но потом перестала. Была ещё одна причина, по которой Манюшка не хотела идти туда – страх увидеться с Павлом. В её душе боролись смешанные чувства: с одной стороны, ей хотелось ещё раз увидеть его, а с другой – она боялась разочароваться. Много раз уже слышала, что о нём говорят ужасные вещи.

Павел, напротив, стремился к встрече с ней. Каждый день он приходил на вечеринки, но все было напрасно – девушка исчезла. Он боялся поджидать её возле дома тётки Катерины, опасаясь сплетен. Но ещё страшнее было то, что отец мог узнать о его чувствах к немой девушке. Яким был скор на расправу и быстро поставил бы его на место, если бы узнал о его выборе. Тоска изводила Павла, но выхода не было. Потянулись тягостные дни в страданиях. Надо было занять себя чем-то другим, чтобы отвлечься.

Накануне, вечером, один из его дружков хвастался, что ходил утешиться после того, как его девушка бросила.

– Ох, и хороша, bestия! После ночи с ней вся тоска пройдет, – восторгался он.

– Про кого ты это? – не понял Павел.

– Не прикидывайся простаком, ты же знаешь, к кому все мужики ходят. Сам сходи, проверь, – предложил друг.

– Не такой я, – возмутился Павел, уже поняв, о ком речь идет, – да, чтобы я...

– Как знаешь, дружище. Только пойми, что опыта тоже надо где-то набираться. Вот ты, к примеру, что собираешься со своей будущей женой в постели делать?

Павел хотел рассердиться и послать такого «горе-друга» куда подальше, но задумался: так ли он не прав? Потому, вместо ответа буркнул:

– Женюсь, тогда и разберусь. Я тебе не мальчишка сопливый!

Они с другом расстались, но Павел, хотя и стыдился своих мыслей, задумал недоброе. Однажды, когда наступили сумерки, он взял из дома сумку с пряниками и направился к проклятушей Зойке, которую всегда недолюбливал. Считал её грязной распутницей. Но в тот день тоска стала невыносимой, и ноги сами привели к ней. У Павла никогда не было опыта в любви, и он ни с кем не делил постель. Он боялся начинать, но запретный плод всегда сладок.

Зойка, как всегда, обрадовалась гостю, пусть и незваному:

– Вечер добрый, Павел Якимович, чего пожаловали?

Зойка, поправив непослушные волосы, с очаровательной улыбкой, начала игриво строить глазки.

А Павел, горделивый и заносчивый парень, вдруг оробел и не знал, что сказать, куда встать и вообще, что делать в таком случае.

Разведёнка сразу поняла, зачем Павел пришёл, без лишних слов. Мужчины приходили к ней только за любовью, не той, возвышенной и чистой, а за телесной, осязаемой. И что с того? Каждый получал своё. Страсть у всех разная: кому-то достаточно поцелуев, а кому-то подавай грубости. Зойка уже давно изучила мужчин и могла подстроиться под любого. Ей весело, она не робеет, а наоборот, проявляет активность первой, поэтому и нравится всем.

– Гостинцы принес? – спросила она, указывая на сумку.

– Пряники. Батя с рынка привез, совсем свеженькие.

– Сладкое я люблю, – хихикнула Зойка, – но попробовать буду потом.

– Я, наверное, зря пришёл? – зачем-то спросил Павел. Уходить он вовсе не собирался, просто страшно было до жути.

– Может и не зря, скоро узнаем. Что ж ты, глупенький, не стой, как истукан! Раздевайся и проходи.

– Раздеваться?

– В штанах такие вещи трудно делать будет, – продолжала веселиться Зойка.

Павел расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Немного помедлил, а после решительно стянул с себя, сначала рубашку, потом брюки.

– Я сейчас подготовлюсь, подожди меня чуток, – попросила Зойка, – хотя, иди сюда и помоги мне снять платье.

Павла от волнения до дрожи пробило, даже пожалел, что порог этого дома переступил. Первый раз страшно, как перед казнью. Приблизился к Зойке, снова не понимая, что дальше.

– Зой, у меня ты первая будешь, – признался он.

– Вот это новость! Я думала, что ты уже всех девчат в деревне обошел. Нельзя такому красавцу в простое быть. Молодость один раз даётся, надо каждую минутку жизни радоваться. Любовь – это самое большое удовольствие.

– Я жениться сначала хотел.

– Из правильных, значит. Но всё же не удержался. Природа своё все равно возьмет, сколько от неё не убегай. Время пришло тебе мужчиной становиться.

– Вот я и пришёл к тебе.

– Настроение у меня сегодня хорошее, порадуя тебя, – сладким голосочком пропела Зойка.

– Порадуешь?

– А как иначе? Ты такой красивый, вкусный. Ты меня тоже порадуешь взамен. Не попробуешь, не узнаешь, как это бывает сладко.

Зойка, опытная любовница, знала, как правильно мужчине угодить. Она начала действовать первой. Быстро сбросила с себя платье, предавая перед Павлом во всей красе. Подобно юркой лисичке, она ластилась к Павлу, обнимала и прижималась.

Павел всё ещё смущался своей наготы.

– Может быть, задует свечи? – предложил он.

– Ещё чего! Ты всё самое интересное пропустишь, – ответила Зойка.

Без одежды Зойка была особенно хороша. Павел окинул её взглядом с ног до головы и восхитился: гладкая, упругая, с большой мягкой грудью. Тёплые женские руки прошлись по его обнажённой груди и остановились на животе.

– Скорый, ты, однако, готов уже! – удивилась Зойка, вновь смущая неопытного любовника.

Она прильнула к его губам и увлекла на мягкое ложе. Павел не успел опомниться, как оказался сверху. Зойка с готовностью подчинилась, принимая его в себя. Распласталась под ним, растеклась. Податливая, под каждое движение охочая. В первый раз всё произошло быстро. Но для Павла это стало незабываемым и сладким моментом, который хотелось переживать снова и снова.

Вскоре он стал частым гостем в доме Зойки. Там он освоил все любовные премудрости. Они проводили вместе целые ночи, изучая тела друг друга, и пробуя новые развлечения. Павел оказался хорошим учеником, а Зойка – идеальным учителем. Она получала удовольствие от близости с ним: он был молод, горяч и ненасытен.

Ночи, проведенные с красивой разведенкой, постепенно остудили любовный пыл Павла. Он порой забывал о красоте Катериной племянницы. Но лишь до поры до времени. Стоило ему увидеть Манюшку на деревенской тропинке, как страсть снова наполняла его сердце, а греховные мысли овладевали им. Он терзался, желая обладать этой девушкой. Чтобы забыться, он спешил к Зойке, которая всегда с радостью принимала его. Но это была лишь временная мера, способ оттянуть момент, когда он сможет приблизиться к объекту своих мечтаний.

К Зойке он не испытывал ничего: она была красива, доступна и изобретательна в способах развлечь его. Иногда Павел ненавидел себя за телесную слабость и грешные отношения с женщиной, которая никому не отказывала. Он не был её единственным любовником. Порой он замечал присутствие других мужчин в Зойкином доме: чужие запахи, забытые вещи, гостинцы, появляющиеся ниоткуда. Он тоже всегда платил за встречи, с пустыми руками никогда не приходил, так было заведено с самого начала. Зойка всегда с охотой принимала его подарки. Была весела, хвалила его. Павел знал, что в один из дней, забудет дорогу к Зойкиному телу. А пока он нуждался в нём всё больше и больше.

Время шло своим чередом, и вот наконец закончилась зима, а с ней и оттаял пруд. Деревенская ребятня с нетерпением бежала на берег, чтобы наловить карасей. Их отцы тоже не сидели без дела: они использовали хитрые уловки, чтобы поймать как можно больше рыбы. Утром они закидывали снасти, а к вечеру возвращались с уловом из пяти-шести рыбин – тут тебе и уха и жарёха. После зимы, когда запасов мало осталось – это хорошее подспорье к скудному питанию. Манюшке тоже повезло. Дед Егор, который плёл рыболовные снасти, сделал ей подарок. Но не просто так. Будучи девушкой услужливой, она помогала старичку по хозяйству, и он решил отблагодарить её за это. Теперь Манюшка вставала рано утром, бежала на пруд, закидывала свою нехитрую снасть, а вечером на их столе была свежая рыба.

Увлечённая ловлей рыбы, Манюшка не замечала, что за ней подсматривают. И это был ни кто иной, как самый отъявленный в деревне злодей Яким, отец Павла. Однажды его взгляд остановился на юной красавице, и она сразу выделилась среди других деревенских девушек. Одного взгляда было достаточно, чтобы образ Манюшки надолго остался в его памяти. Каждый вечер Яким, будто у него не было других дел, отправлялся на плотину, чтобы понаблюдать за Манюшкой. Густые заросли кустарника скрывали его, и он сидел в зелёной чаще, ожидая появления рыбачки. Ловкая и гибкая красавица быстро справлялась с рыбной ловлей: вытягивала снасти, набирала в ведёрко рыбу, а затем снова опускала их в воду. И так происходило изо дня в день.

Старый развратник, Яким, не мог оторвать глаз от юной красавицы, отмечая её плавные и грациозные движения, словно у кошечки. Его сердце билось чаще, когда платье соскальзывало с её нежного плечика, обнажая то, что не предназначалось для его глаз. Или, когда мокрый подол задирался, открывая стройную ножку. Дух захватывало, до чего девушка прелестна, мила и невинна. Её золотые волосы колыхались на ветру, рассыпались шёлковыми волнами по спине, являя чудесное зрелище. Яким из своего укрытия облизывался, как голодный кот,

слюну пускал. Она же, голубка, ничего не чувствовала, без оглядки вертелась, поглощенная работой. Скорее бы с делом управиться, не до того, чтобы одежду поправлять, одергивать.

Бывший каторжник дивился красоте приезжей сиротки. Конечно, до него дошли слухи, что она бракованная – немая, но это только добавляло азарта и привлекало его к этой прелести. Сколько бы он ни любовался ею, он ни разу не решился подойти и заговорить, боясь напугать. У него были другие планы на эту девушку. Ему нужно было выбрать правильную тактику и найти нужные слова, чтобы завоевать симпатию Манюшки. А для этого требовалось время, которого у Якима было не так много.

Жаркое солнце пекло, нагоняя зной и навевая истому. Лёгкий шорох прошлогоднего камыша на слабом ветру и журчание ручейка погружали Якима в романтическое настроение. Каждую весну он с нетерпением ждал от жизни обновления. Для всех Новый год начинался в январе, но для него это было не так важно, ведь отсчет он вел от весны – поры посева зерна. Словно зачарованный, наблюдал он из кустов за движениями юной красавицы, мечтая о возвращении былой молодости и страдая от ушедших лет. В моменты смутного волнения он понимал, что назад дороги нет, но по-прежнему надеялся на чудо. С каждым днем становилось все яснее, что немая девица заняла в его сердце главное место. Когда он просыпался утром, перед глазами стоял милый образ, а когда ложился в постель после дня, все мысли были об одном: поскорее увидеть объект своих тайных желаний.

Всё потому, что семейная жизнь Якима не сложилась. Трудно было жить с нелюбимой женщиной. В молодости, когда он был женихом, несмотря что родом из бедной многодетной семьи, он был хорош собой и статен, имел горделивый характер. Отец присмотрел ему невесту – Аксинью. Не по душе ему она была, но против желания отца он не смел перечить. Согласился на свадьбу, скрепя сердце и, надеясь на то, что стерпит-сялюбит. Но не тут-то было.

К двадцати пяти годам Аксинье так и не удалось найти себе мужа. Все женихи проходили мимо, не обращая внимания на её богатство. Внешность невесты никому милой не казалась, чтобы от такой хотелось иметь детей и в одну постель ложиться. Она была далеко не красавица: высокая, худая, с длинным орлиным носом, жидкими тусклыми волосами, к тому же с широкими, грубыми руками. Когда она стояла рядом с Якимом, они казались одного роста. А ему хотелось в жёны девушку маленькую, аккуратненькую, чтобы на руках носить мог.

Отец Якима решил, что это не так уж и важно. Зато у родителей Аксиньи была только одна дочь. По достатку она была завидной невестой: у неё было крепкое хозяйство, хороший дом и приданное, которое насчитывало «три короба с добавкой». Родители не в чём бы ни поскупились ради дочки, только бы она замуж вышла и внуков им родила.

Не от сладкой жизни Якиму пришлось жениться. Семья в нужде была – восемь ртов кормить нужно. Отец с матерью с хлеба на воду перебивались, такую ораву воспитывая. Оттого на помощь старшего сына надеялись, полагали, что, когда тот успешно женится, им полегче будет.

Если бы всё было иначе, Яким никогда бы не обратил внимания на такую страшилищу, как Аксинья. К тому же жена оказалась старше Якима на целых шесть лет. В то время как его друзья и товарищи целовали молодых девушек, он обнимал свою старую жену, с трудом преодолевая отвращение к её нескладному телу. Зато в этой женитьбе было много положительных моментов. Тесть подарил им дом, обустроил хозяйство и даже привёл корову в их супружеский двор. Отец Аксиньи был очень рад, что наконец-то пристроил свою дочь, и не мог нарадоваться на зятя.

Аксинья оказалась доброй и покладистой женщиной. Она старалась угодить мужу, как могла: ходила за скотом, убирала дом, стряпала. Без устали крутилась целый день, не присев ни разу. Никогда не перечила ему, всегда ласкова, приветлива и с улыбкой встречала мужа, даже когда у него было плохое настроение, и он был груб. Как только Яким почувствовал свою силу хозяина в доме, он стал обижать, оскорблять и даже бить Аксинью. Она терпела все его

выходки и никогда не жаловалась родителям. Она жила с мужем и считала, что так и должно быть, ведь кому нужна такая, как она? На людях Аксинья всегда шла с гордо поднятой головой, показывая, что счастлива с мужем. Но на самом деле она часто плакала и прятала синяки под одеждой.

Якиму его женушка настолько была противна, что мог находиться с ней в одной постели лишь тогда, когда был сильно пьян. По пьяной «лавочке» побьёт её, натычет в бока, а потом любви требует, может до утра мучить бедняжку, пока не надоест.

Почти все мужики в деревне применяли силу в отношении своих жён. Нельзя сказать, что проступки женщин были такими уж серьёзными, но считалось, что супруга должна понимать своё место. Главной обязанностью женщины было почитать и уважать мужа как хозяина и главу семьи. В случае ссор мужа кулаками наводили порядок в доме, и остальные домочадцы воспринимали это как должное. Все соседи знали, что Яким строг с Аксиньей. Хотя она и старалась скрыть следы побоев, заметить их было нетрудно. Однако такое положение вещей никого не удивляло, а даже считалось нормой. Никто не вмешивался, полагая, что это семейное дело, которое не должно никого касаться. Она не просила ни у кого защиты, не жаловалась соседям и родне, значит была всем довольна.

В то же время у бойкого Якима начали появляться новые интересы. Возможно, причиной тому были скука, безделье или желание показать своё превосходство перед друзьями. Сколотилась в Березовке небольшая ватага. Яким стал их заводилой, стремясь к лёгким деньгам и азарту, а также не зная, куда тратить свою бурную энергию. Они начали грабить крестьян в соседнем селе, избивая их и отбирая последнее. Однако по неопытности их поймали с поличным. Якима, как зачинщика, посадили на три года в тюрьму.

Тюремный труд в то время широко использовался на благо государства. Каторжники строили мосты, рыли траншеи и корчевали пни. В деревенской местности основным занятием стала лесозаготовка: валка и рубка строевого леса. Артель осужденных, состоящая из двадцати человек, избрала Якима своим старостой. К тому выбору случай привел. Двое заключенных сцепились в драке, а затем к ним присоединились остальные. Началась общая свалка, сопровождаемая шумом, гамом и разбитыми носами. Яким, обладая крепким здоровьем, бросился в самую гущу, раскидал дебоширов своими сильными кулаками, и никто не смог устоять на ногах. Оглянувшись, он увидел, что все лежат, охая и потирая больные места. Яким показал всем свою силу и умение управлять ситуацией. После этого случая все каторжники стали бояться Якима и считались с его мнением. Едва он сжимал кулаки, все разбегались по сторонам.

Работники лесной бригады, беспрекословно слушали поручения Якима, как старшего над ними. Выполняли разнарядки на работу. За непослушание Яким наказывал строго, учил уму-разуму, все теми же кулаками. Несмотря на непродолжительное пребывание в заключении, Яким проявил силу воли и стойкость, заслужив уважение даже у надзирателей, которые сопровождали его на работы. Яким не уставал от тяжёлого труда, предпочитая отдавать распоряжения, а не заниматься физической работой. Он берег своё здоровье и предпочитал проводить время в бараке возле тёплой печки. В то время как другие осужденные могли получить обморожение или травму, Якиму всё было нипочём.

Вернувшись домой, Яким осознал, что его бывшие друзья еще больше зауважали его, когда узнали, что он был старостой в тюрьме. На радостях, устроили ему тёплый приём, накрыли стол, и целую неделю отмечали его возвращение. Вся деревня ходуном ходила: песни, пляски, хмельное текло рекой.

Аксинья ко времени его возвращения еще больше подурнела: поблекла, словно выцвела. Но она старалась для своего мужа: собрала жидкие волосы в скромный хвостик, украсила бантом и надела платье в цветочек. Вины в том, что дурна, не значилось, ведь душой светла и беззлобна. Родители растили её в любви, и она видела в жизни больше добра. К грубости и

пакостям не привыкла, для других зла не желала, жила по заповеди: относись к людям так, как к самой себе, люби и почитай. Из уст никто, никогда не слышал грубого слова, крика. Но такая слабость и покорность выводили жестокого Якима из себя. Он не понимал, как можно быть настолько безвольной, мягкой и не давать отпор. Однако именно эти черты характера позволили ей удержаться рядом с таким сильным и грубым мужчиной.

Яким, истосковавшийся по женской ласке, каждую ночь трепал свою Аксиныю. К великой радости, скоро она понесла – давно мечтала о детях. Когда её живот начал расти, муж оставил её в покое и даже проявлял заботу. Он очень хотел ребёнка, обязательно сына – наследника. И к весне на свет появился первенец – Павлушка. Все заботы и хлопоты супругов сосредоточились на ребёнке. Их радости не было предела. К удивлению, глава семьи тоже светился от счастья: возился с малышом, гукал и играл с ним.

Казалось бы, живи и радуйся, но не тут-то было! Потянуло Якима по «старой тропинке» – позвали его напарники на дело. Засиделись, заскучили да, и деньжата закончились. Зная, что в город повезут обоз на базар, они с товарищами сели в засаде. Но просчитались: в ту пору обозы часто грабили, и оказалось, что товары были с охраной. Опять Яким попал в переделку и вновь отправился по этапу. В этот раз сидел два года.

Домой после заключения вернулся, а сынок Павлушка, уже по полу на своих ногах бегают. Малыш на загляденье: глазастый, пухленький как картиночка. Наигрался, натешился с наследником, а затем предложил жене: «Ну, что Сина, кабы нам еще парнишку завести?»

Аксинье уже тридцать минуло, а Якиме лишь двадцать четыре. Он молодой, крепкий телом мужчина, и, конечно, ему хотелось видеть рядом с собой молодую и привлекательную женщину. А его жена после родов стала крупной, как баржа. Яким всякий раз морщился от отвращения к ее телу. Недолго думая, он стал искать развлечения на стороне. Обошёл всех свободных бабёнок в деревне, натешился властью. Аксиныя же оставалась в стороне.

Но всё же, после нескольких гулянок в компании хмельных друзей, пару раз с Аксиной переспал, так у них в семье еще прибавление получилось. И снова родился сыночек, которого нарекли Иваном в честь деда. Детишек Яким обожал, часто нянчился с ними. Иногда его накрывало чувство благодарности к Аксиной, за подаренных сыновей. Но только за это. Как женщина и спутница жизни, она для него была пустым местом. Из дома хотелось бежать куда-то на сторону, где больше веселья, доступных красивых женщин, понимающих верных друзей, которые выслушают, поймут.

У жены были свои дела, у мужа – свои. У неё хозяйство, дом, воспитание мальчишек, а у Якима – более интересные занятия. Вместе с друзьями-соратниками, он продолжал воровать, грабить. Ему хотелось лёгких денег, а работать он не хотел. Гулять с пустым карманом было плохо, ведь бесплатно не напьют. Яким не знал, когда остановиться. В его голове был только ветер и дым.

В третий раз он попал в тюрьму из-за глупого случая. Начали с подельником делить добычу, но не смогли договориться. Язык пьяный за копейку забранился. Взял Яким ножичек, да и ткнул дружку в бок. Раненый остался жив, но Якиме добавили тюрьмы пять лет.

Отец вернулся из тюрьмы. Павлу было уже десять лет, а Ванюшке – семь. Они росли без отца, и Аксиныя, хотя и не была с ним рядом долгое время, всегда говорила о нём с уважением. Когда папа вернулся, мальчишки стали ходить за ним хвостиком. Не хватало им отцовского внимания всё это время, оттого они слушали каждое его слово с замиранием сердца, старались повторять за ним движения, учились повадкам и характеру.

Яким обожал своих сыновей, а Аксиныю по-прежнему терпеть не мог. После того как они перестали спать в одной постели, она превратилась в служанку: готовила еду, кормила скотину, выполняла все поручения: «Принеси, подай, скотину накорми, еду давай». Детки тоже изменились после того, как в доме появился отец, видя, как он обращается с их матерью. Яким

баловал своих сыновей: покупал им подарки и хорошую одежду. А Аксиныю он держал в строгости. Зачем тратить деньги, всё равно краше не станет.

После третьей отсидки Яким стал мудрее. Он понял, что не хочет больше возвращаться на жесткие нары. Ему захотелось спокойной жизни. У него появилась идея использовать своё тюремное прошлое в своих интересах. Теперь его бывшие друзья, которые были с ним в тюрьме, работали на него и приносили барыш. Ему не нужно было больше прилагать усилия, и он решил, что пришло время успокоиться, ведь его авторитет позволял ему это. Он заделался в главари, четко распределяя дружкам их роли и обязанности. Тем бы лишь куда «прижаться» после отсидки, а он обеспечивал им приют, еду на первое время, а ещё своё покровительство. А это дорогого стоит.

Время пролетело незаметно, и вот уже сыновья стали женихами. Яким, отец семейства, ещё не старый – ему всего сорок четыре года, и он полон сил. Выглядел он моложе своих лет. В их роду была необычная черта: у всех мужчин не росли борода и усы. Все остальные мужчины в округе были косматыми и заросшими, ведь по уставу староверов запрещалось стричься и бриться. Однако у Якима и его сыновей лица всегда были чистыми и без растительности, что выделяло их из общей толпы. Когда парни были подростками, заметили, что у их сверстников начинает расти щетина, а у них самих нет никаких изменений. Это озадачило их, и тогда отец рассказал им, что их дед и прадед тоже жили безбородыми. Сокрушаться по этому поводу не стали, наоборот, преимущество осознали, потому что деревенские мужики вокруг выглядели стариками.

Якима уже начали терзать неприятные мысли. Если бы сыновья создали свои семьи, то оставаться с Аксиной до конца жизни бывшему каторжнику не хотелось. Он задумал отправить свою жену к двоюродной сестре, старой деве, чтобы они вдвоем доживали свой век, а для себя найти молодую девушку. Пожить в удовольствие, испытать новые острые чувства, покуда старость дремучая не подошла. Рядом обязательно должна была оказаться милая, светлорусая, хрупкая красавица, которую он бы ласкал каждый день, упивался свежестью её кожи, запахом волос. Ему было всё равно на мнение окружающих, и, если бы кто-то стал его осуждать, он бы быстро заткнул рот любому обидчику. Однако во всей округе не нашлось подходящей девушки. Как ни присматривался он к Берёзовским девочкам, ни одна из них ему не понравилась. Он уже думал найти девушку из другой деревни, как вдруг удача улыбнулась ему.

Думы о Манюшке не давали ему покоя. С тех пор как он увидел её на пруду, он не мог спать. Это была именно та девушка, о которой он мечтал всю свою жизнь. «Как бы я хотел забрать её себе, наряжать и баловать! Не беда, что она немая, зато какая красавица!». Пусть жить осталось не так много, он верил, что в старости ещё сможет испытать любовь и страсть, ощутить радость от близости молодого и красивого тела. Может быть, эта милая голубка смогла бы скрасить его одиночество и облегчить боль от осознания напрасно прожитых лет?

Плотские потребности стареющего мужчины, смешивались с маниакальным влечением и желанием угнаться за уходящими годами, чтобы получить последние крохи, перед грядущей старостью и немощью. Любовь к юной сироте Манюшке переросла в заболевание, требовалось срочное излечение либо избавление от проблемы. На месте Манюшки могла оказаться любая другая девушка, но, по какой-то неведомой причине, именно она стала главной целью Якима. Подглядывая за Манюшкой, он погружался в такие греховные мысли, от которых нормальный человек, испытал бы стыд и смущение. В его мечтах Манюшка была покорной рабыней, готовой выполнить любые его желания. Яркие картины плотских утех занимали всё существо влюбленного злодея.

Ему и в голову не приходило, что его сын Павел испытывает те же чувства.

Глава 3

Весной Манюшка отпраздновала свой шестнадцатый день рождения и вступила в пору расцвета своей юности. Однако она не осознавала, насколько привлекательна, и, естественно, по наивности, не понимала, какой силой обладает её красота. К этому времени она превратилась в настоящую красавицу. Её кожа была нежной, как бархат, а лицо – цвета спелого персика. Когда она улыбалась, сразу становилось светлее и теплее, будто на солнышке. Пышные белокурые локоны, ниспадающие до пояса, служили ей великолепным украшением. Фигурка была безупречной: тонкая талия, покатые плечи и высокая грудь. Глаза Манюшки сияли, как голубое небо, в них можно было утонуть и позабыть о бренности бытия. Именно за такие глаза влюбленные мужчины шли на подвиги и на плаху, не жалея своей жизни. Её сердечко пока что не требовало любви, потому что она не искала встреч с деревенскими женихами, не стремилась побыстрее выйти замуж. Наслаждалась теплом, пробуждением природы, обществом своей любимой тётушки и её этого было достаточно.

Жалея сиротку, деревенские жители с огородом помогли: вспахали небольшой участок под овощи и картошку. В староверской общине её уже давно принимали за свою и старались по мере возможности не обойти вниманием хозяйку, оставшуюся в таком молодом возрасте без семьи и опоры. Тётушка Катерина не в счёт. С недавнего времени, на неё стали наваливаться болячки, и помощница из неё была плохая.

Без огорода в деревне не прожить, считай – основной источник добычи пропитания. На обработанной земле у новоиспечённой крестьянки появились грядки с луком, капустой, картошкой и свёклой. Семенами поделилась соседка Игнашиха, которая жила неподалёку. Она была доброй душой и не только делилась семенами, но и помогала советами, ведь у Манюшки не было опыта в садоводстве и огородничестве. Одного трудолюбия в этом деле было мало.

Работала Манюшка с утра до ночи, но понимала, что всё в руках Божьих: захочет – даст земля урожай, не захочет – все труды прахом пойдут. Успех зависел от природы и погоды. В Березовке часто случались неурожаи. Сторона холодная, почва неплодородная. Посеют ведро зерна, а уберут только половину: то всходы вымокнут, то вымерзнут, то их градом побьёт. Вокруг дома она тоже навела порядок, повыдергала бурьян. Руки до самых плеч обожгла крапивой, покрылась волдырями, но была довольна.

Вышла тётушка Катерина на крыльцо и обрадовалась:

– Манюшка, солнце мое! Тебя мне сам Господь послал!

Она тихо расплакалась от счастья, которое обрушилось на неё в старости. В немой девушке она увидела не только всю оставшуюся родню. Манюшка стала для неё дочерью, которой у неё никогда не было.

После того как любимая племянница привела дом в порядок, в нём запахло уютом. На окнах появились занавески, а на полу – неизвестно откуда взявшиеся половички. Старая печка, которая раньше дымила как паровоз, после того как её замазали и побелили, стала исправно топиться. Даже старое покосившееся крыльцо, которое когда-то было кривым, теперь обзавелось новыми ступенями.

За гумном, у пруда, стояла старая, давно не используемая баня. Она была в ужасном состоянии: печь разрушилась, крыша протекала, брёвна сгнили, а стены потемнели от копоти. Предбанник был отделён от основного сруба. Рачительный хозяин давно бы разобрал эту баню на дрова. Но Манюшке очень хотелось иметь свою собственную баню. Она представляла, как они будут жить по-другому, без необходимости ходить в чужие бани и просить разрешения у соседей.

Старик Егор, несмотря на свой преклонный возраст, вызвался помочь в ремонте. Прежде всего, они собрали каменку и отмыли стены от сажи. Затем залатали предбанник старыми дос-

ками. И вот, наконец, баня была затоплена! Сколько же радости она принесла! Манюшка брала с пруда воду, и они с теткой мылись, стирали одежду. В железный чан она складывала березовые угли, чтобы приготовить отличный щелок, который делал волосы шелковистыми и блестящими. Когда в кипяток добавляла ромашку и зверобой, в бане стоял волшебный, чарующий аромат. Это была настоящая сказка!

Каждый новый день был полон радости и удовольствия от праведных трудов. Все Берёзовские невесты занимались подготовкой приданого: вышивали полотенца, наволочки и подзоры крючком. Не принято было приходить в новую семью с пустыми руками. Будущий муж должен был оценить мастерство и рукоделие будущей жены. Манюше эта наука давалась легко: она с удовольствием вышивала красивые узоры, а стежки у неё были аккуратными и ровными. Подружки быстро передали ей все свои умения.

Манюшка жила, как птичка весенняя, не причиняя никому зла. Жители Березовки любили её, и её немота никого не смущала. На ласковые слова она всегда отвечала улыбкой. Если она шла по деревне и видела, что люди убирают сено, то сразу же бросалась помогать, и все были рады её участию. В другой семье она помогала пасти скот, в третьей – копать картошку. Так проходили её дни, в постоянной работе, без отдыха. Унывать и печалиться о своей тяжкой доле ей было некогда, да и незачем. Вокруг были такие же люди, которые тоже сталкивались с горестями и невзгодами. К тому же, у большинства из них были дети и старики, и забот у них было больше, чем у неё, незамужней и свободной.

Признаться, пареньки с интересом поглядывали на Манюшку, но не воспринимали её как будущую невесту. Ведь у неё не было ни кола, ни двора, к тому же она не могла говорить. Кто знает, какими будут её дети? Однако в деревне не было девушки прекраснее и милее Манюшки. Рядом с ней все остальные молодухи казались бледными и невзрачными.

На неё было приятно смотреть. Было несправедливо, что такая красавица должна остаться одна. Если бы она была хотя бы зайкой, у неё было бы больше шансов найти супруга. Но какой смысл быть красивой, если ты не можешь использовать свою привлекательность? Как говорится, «с лица воду не пить».

Мысли Манюшки постоянно возвращались к Павлу. Она влюбилась в него с первого взгляда, хотя и понимала, что он ей не пара. Вряд ли завидный жених когда-либо назовет её своей невестой, но она всё равно мечтала о несбыточном.

Иногда она представляла, как они будут жить вместе, как заведут коровку и поросят, как будут ходить в лес по грибы и ягоды. Его образ прочно поселился в её добром сердце, и она влюбилась без памяти. Она повторяла его имя про себя по сто раз на дню.

Первое серьёзное чувство оказалось похоже на лёгкое помешательство. В воображении рисовались прекрасные романтические картины совместной жизни, в которых присутствовал образ идеального молодого человека – чуткого, заботливого и безупречного во всех отношениях. Манюшка верила, что Павел обладает именно такими качествами. Она идеализировала его, как в сказке о снежной королеве, и считала его прекрасным принцем. Ради него она была готова отправиться на край света, преодолеть сотни препятствий и сделать его самым счастливым.

Сложно судить, когда всё происходит впервые и не с чем сравнивать. Ещё нет опыта лжи и обмана, и мир предстаёт в ярких и радужных красках. Не опалённые крылья несут на свет жаркого пламени, не боясь обжечься. Неожиданно возникшее чувство волнует и тревожит до дрожи. К сожалению, Манюшка ничего не знала о реальном Павле. Не имела представления о его грубом характере и жестоком сердце. Высокомерный нрав и горделивость она принимала за сдержанность. Трудно судить только по красивому лицу и статности.

Парень был таким, каким его воспитал отец: по своему образу и подобию. Манюшке хотелось узнать о нём больше, но никто не говорил о нём в её присутствии. Если бы она роди-

лась в этом месте, то знала бы, что лучше держаться от него подальше. Выходило, что она входила в воду, не зная брода.

Она не слушала сплетни досужих соседок и не сидела на завалинках. Разговоры о женихах и ночных происшествиях смущали её. Для её невинного уха подробности любовных утех были в новинку, и она старалась избегать таких бесед. Её подруга Наталья часто делилась своими переживаниями, рассказывала о симпатиях, количестве поцелуев и других знаках внимания со стороны противоположного пола. Манюшка слушала эти рассказы, опустив глаза и краснея от неловкости.

– Ох, какая ты недотепа! – надсмехалась подружка, – поди, и не целованная ни разу!

Манюшка пылала алой розой, головой отрицательно мотала.

– Пора уже! Я вот, два раза уже с Митькой кузнецом целовалась возле овина. Повстречаемся, а вскоре и свадьбу справим.

«У меня тоже будет свадьба!» – вертелось у Манюшки на языке, но наружу по-прежнему не выходило.

– Не горюй! – продолжала болтушка Наталья, видя озадаченное лицо, – у тебя тоже все получится, только нужно верить и ждать. У косой Дуси уже второй ребенок родился, а думала, что в старых девах останется. А вон как вышло! Знаешь её?

Манюшка вспомнила молодую женщину с кривыми глазами. Муж у неё был ей под стать: хромоногий, лысоватый. Хотелось спросить у подруги: «Мне, что нужно какого-то ущербного искать?». Наталье было невдомек, что немая сиротка замахнулась на самого завидного кавалера, который был пределом мечтаний всех девушек на выданье.

Когда наступили первые теплые деньки, в Березовку на постой приехал цыганский табор. Кибитки оборванные, лошаденки тощие, зато женщины в ярких нарядах, мужички в красных рубашках.

Цыгане пели песни, ходили по домам, собирали еду и гадали красным девушкам на женихов. Для крестьянок это было настоящее развлечение: всем незамужним они нагадали богатых женихов, а замужним – по пять ребятишек, хороший урожай и добротную скотину.

Однако мужья не разделяли эту радость и не впускали непрошенных гостей в свои дома. Они наказывали своих жён за то, что те впускают в избу воров, которые тащат всё, что плохо лежит. К тому же цыгане норовили сесть за стол и отведать хлеба даром.

Только любопытство женское – вещь опасная, так и норовит сунуть нос, куда не следует. Хочешь, верь, хочешь не верь, только в гаданиях цыганских колдовская сила есть. В правдивость предсказаний убеждались, стоило кареглазым ведьмам рот открыть. Что уж говорить о страхе перед страшными проклятиями и сглазами, которые цыганки наводили в ответ на грубое слово. Умелые гадалки и ворожеи хвалили своё необычное мастерство, предлагая отвороты, привороты и другие тайные науки. Желających не было отбоя, пусть даже втайне от своих близких.

– Знаю, откуда твоя беда, – медленно и тягуче произносила цыганка, пристально глядя в глаза мнительной хозяйке.

Женщина испуганно наостряла уши. В прошлом месяце у неё околел пёс, а две овцы не вернулись с пастбища.

– Откуда? – торопила она с ответом.

– Бесплатно только птички поют, чем платить будешь – таков и сказ! – отвечала находчивая цыганка.

Ведро картошки, ком соли, десяток яиц и ношенный платок привели к неожиданному выводу:

– Порча на тебе, сердечная! Злодейка подклад сделала. Жди новой беды!

Несчастливая крестьянка хваталась за голову и стонала.

– Погоди прежде времени всполох наводить, – шуруется гадалка. – Доложи мяса кусочек, да молочка плесни, так с проклятием живо справлюсь, да ещё и защиту на будущее поставлю.

Два взмаха грязных рук над головой, неразборчивые шептания на непонятном языке – и грязные наветы унеслись прочь, к превеликому облегчению обманутой крестьянки. Естественно, что ведунья ушла с полным подолом припасов. А на следующий день в другом доме подобная «сказка» повторялась снова.

На берегу речки, медленно катившей студёные воды, на привал располагался шумный цыганский табор. Раскинули палатки, разожгли костры. Легкими пепельными кольцами поднимался дым и разостлался над поляной. Шумно в таборе: бегали с криками и смехом голопяточные ребятишки, гомонили мужчины, перебивая тонкие женские голоса, ржали стреноженные кони.

Но вот солнце склонилось всё ниже и ниже. Ночью, когда в небе зажигалось бесчисленное количество пылающих звезд, собирались цыганские кочевники у костра. В сей поздний час делили дневной «улов», обсуждали людей, повстречавшихся на пути, хвастались ловкостью обмана. Женщины готовили нехитрый ужин. Где-то в другой части табора раздавалось звонкое пение, которое волновало и завораживало своей страстью.

Перед посетителями табора открывалась удивительная картина: огонь костров становился всё ярче, красные отблески пробегали по стволам берёз, отражаясь в тёмной воде. В тишине ночи было слышно, как потрескивал хворост в костре, как дул ветер и шелестели листья на высоких деревьях. Каждый звук заставлял вздрагивать. В это время жители Березовки не спали, опасаясь, что цыгане могут совершить ночной налёт. Они привязали всех собак у дверей. Ходили слухи, что цыгане могут быть опасны. Никто не знал, что у них на уме.

Катерина с Манюшкой не переживали понапрасну. Ни разу в их дом цыганские гости не зашли, ни днем, ни ночью. Табор с неделю в березняке стоял. С рассветом цыганки на промысел в деревню шли, да все мимо тетки Катериной избы. Видно сразу, что в такой халупе даже гвоздём не разживешься.

Но однажды, старая, хромоногая гадалка, едва доковылявшая до деревенской околицы, притомилась. По пути – избушка, решила зайти, хоть воды испить, ногам отдых дать. Взошла на крыльцо, отворила дверь в сени, а навстречу девица вышла. Встала цыганка, что вкопанная, глаза черные прибавила, рот от удивления раскрыла:

– Ей, богу, впервой такую красавицу вижу! Не сойти мне с места!

Манюшка смущенно улыбнулась, кивнула в знак приветствия.

Бесцеремонная цыганка отодвинула ее рукой и в дом вошла. Огляделась вокруг – не густо! Чем люди живут, святым духом что ли? Взяла кружку, зачерпнула воды из ведра, жадно глотнула.

– Хороша водица! – похвалила, утираясь рукавом.

Затем она обернулась на юную хозяйку и поняла, что что-то не так. Обычно люди сразу же заводили разговор, но эта девушка молчала. Она даже не сказала, что не разрешает ей заходить в дом, хотя обычно староверки не пускают гадалок за порог и предпочитают беседовать на улице.

Обнаглев окончательно, гадалка плюхнулась на лавку и вытянула затекшие ноги.

– Давай погадаю, – предложила она. – Я посмотрю по твоей руке, кто твой суженый.

Манюшке стало любопытно, и она протянула ей свою ладошку. Гадалка водила грязным пальцем по линиям на её ладони и что-то бормотала. На мгновение она замирала, а затем снова продолжала, словно читала невидимые узоры, словно книгу. Её глаза горели в стремлении разгадать тайну грядущего.

– Ой, ждёт тебя сильная любовь, красивый молодой жених. Вижу и второго – старого, но зловредного. С обоими будешь жить. А потом...

Тут цыганка запнулась, нахмурилась. Лицо её исказила досадная гримаса.

– Испытания в жизни ждут, непростые, порой невыносимые. Не заслужила ты такой участи!

Помолчав, она поднялась с лавки и направилась к выходу, оставляя Манюшку в недоумении.

Уже у порога она обернулась и с чувством произнесла:

– Речи боженька лишил тебя для пользы твоей, испытывает силу духа. Не сгибайся перед невзгодами, не ожесточайся сердцем, и в скором времени получишь дар великий. Жизнь проживёшь долгую, светлую. Будет рядом милый друг. Но есть одно условие...

Гадалка озадачила Манюшку неясным предсказанием, лишённым смысла. Сплошные загадки!

– Счастливый час наступит, когда первое в жизни слово произнесёшь. Это слово и будет твоя судьба!

Поклонившись Манюшке, она взмахнула рукой на прощание и пошла дальше по Березовке ворожить судьбу.

Манюшка задумалась: «Что же написано на моей руке? Как можно понять человека по ладони? Это странное гадание, которое не поддаётся объяснению, как будто всё в тумане». Удивительно, как цыганка узнала о её немоте? Видимо, люди действительно обладают даром проницательности. Но одно было ясно – Манюшка обязательно станет счастливой и любимой, а её немота пройдёт. Такой исход вселил в неё надежду на лучшее и подарил ей радость.

Павел, предмет её мечтаний, в то время занимался весьма важным делом. Вместе с братом Иваном и ещё двумя подручными они помогали отцу собирать долги. Однажды простак и у Якима по нужде денег заняли, а отдавать не торопились. Старший сын в этом деле особо поднаторел. Он был настойчив и груб, и люди боялись его и платили, зная, что он может и в глаз дать. Таким образом, Павел не только собирал необходимые суммы, но и прибыль получал.

Яким гордился своим дерзким сыном. Он часто рассказывал о его проделках своим друзьям-поделщикам. В этом возмужавшем отроке он видел продолжение себя, отмечая его схожесть с собой: «Вылитый я в молодости, такой же смелый и горячий!» С особым удовольствием он наблюдал за Павлом, когда тот совершал поступки, которые могли бы вызвать осуждение со стороны морали и жизненных устоев. Родительскую душу грела мысль о достойном наследнике, на которого можно положиться в старости.

Яким, будучи человеком гордым и высокомерным, считал свои «подвиги» проявлением храбрости и мужества, а испытания, выпавшие на его долю в тюрьме, – закалкой духа и стойкости. Он был убеждён, что настоящий мужчина, каковым он себя считал, должен использовать свою силу, чтобы продемонстрировать превосходство над слабыми и никчёмными людьми. Ему было необходимо указать им их место и возвыситься над ними.

О своём втором сыне он говорил с усмешкой: «Ох, Ванюша, только из-за братовой спины подлаивать можешь. Что же ты – рохля такая?»

Другой сын не радовал его: он не пытался быть похожим на отца, был вялым и бесхребетным, как и его мать. Его мысли были сосредоточены на крестьянских радостях – он мечтал о хорошем доме, саде и огороде. Больше всего он хотел жениться и завести детей. Он постоянно говорил об этом отцу, и тот, желая угодить сыну, решил отпустить его.

К концу лета, после того как был собран урожай, молодые люди, обручённые ещё с детства, играли свадьбы. В деревне считалось, что браки, заключённые осенью, будут самыми крепкими, а жизнь в такой семье – долгой, счастливой и спокойной, беды и невзгоды обойдут стороной.

У Якима была присмотрена невеста для Ивана – Евдокия, дочь середняка Луки, которой уже исполнилось семнадцать лет. Эта девушка была полна сил и энергии, готовая создать уютное семейное гнездышко. Спелая, справная пышка полностью готовая к созданию уютного

семейного гнездышка. Родители пришли к согласию, и вскоре собрались сваты, чтобы заключить договор.

Иван был очень рад. В его жизни появилась самая прекрасная девушка, обладающая всеми качествами добропорядочной, скромной и заботливой хозяйки. Евдокия идеально подходила на роль верной спутницы и хранительницы очага, а также нежной матери для будущих детей. Она имела миловидную внешность, хорошую фигуру, покладистый характер. Всегда была чисто и нарядно одета.

Сразу после того, как молодые люди просватались, они стали жить в одном доме, подаренном Якимом. Зачем ждать свадьбы? Ведь молодое дело – нехитрое. Целоваться на людях – не лучшая забава. Ночи таили в себе награду для двоих, а медовое время – самое сладкое.

Ровно через месяц состоялась пышная и весёлая свадьба. Гостей было много. За богатым столом они выпивали и закусывали, а после выходили на улицу, чтобы потанцевать и повеселиться. Гармонист играл без усталости, и вечер прошёл на зависть всем. Все были в восторге и веселились до упаду.

Молодожёны были безмерно счастливы. Они держались за руки и не могли отвести друг от друга восторженных глаз. От чужих взоров не укрылось, как они светятся от счастья. Теплота их нежных отношений передалась всем присутствующим. Шаферы с удовольствием поднимали бокалы за здоровье новой семьи. Звучали хвалебные тосты и пожелания, и влюблённая пара радовалась каждому слову.

Павел тоже веселился от души на свадьбе брата. Он понимал, что Иван очень счастлив со своей избранницей. Павел всегда любил своего младшего брата, опекал и заботился о нём с самого детства. Сейчас он искренне радовался, видя сияние в родных глазах.

Когда пришло время говорить напутственные слова, Павел встал. Его голос предательски задрожал. Он понимал, что их пути с братом расходятся.

– Береги себя, – произнёс он, – Люби и процветай! Не забывай обо мне!

Иван тоже расчувствовался:

– Что ты, брат! Для нас с тобой ничего не изменится. Скоро будем семьями дружить. На подходе где-то и твоя невеста.

После шумной свадьбы завистники начали шептаться: «Яким поступил неправильно, не по-людски. Сначала нужно было женить старшего, а потом младшего». В старообрядческих семьях принято проводить венчание по старшинству. Яким краем уха слышал разговоры об этом, но ему было всё равно. Он считал, что люди должны следовать своим заповедям, а в его жизнь не должны вмешиваться. Возможно, после Рождества для Павла найдётся подходящая партия, ведь организовать две свадьбы в течение одного года будет очень сложно из-за больших расходов.

Аксинья была очень довольна своей снохой. Ей понравилась эта тихая, кроткая девушка с открытой душой, которая сразу же стала называть её мамой. Было очень приятно слышать эти добрые слова. Материнское сердце подсказывало ей, что её сын находится в радости. Яким, в отличие от супруги, не проявлял особого интереса к снохе, но зато он щедро одарил её подарками. Он был рад за сына, ведь теперь можно ожидать и внуков. После отъезда младшего сына в родовом гнезде стало гораздо свободнее.

Ванька удачно женился, и жизнь пошла своим чередом, в соответствии с устоявшимися старообрядческими традициями. Его молодая жена Евдокия, богобоязненная, справедливая и чистая душой, создала уютный домашний очаг, как и подобает благочестивым семейным людям. Иван, добрый от природы и воспитанный в любви к матери, не обижал свою супругу и во всем ей помогал. Для него началась именно та жизнь, о которой он мечтал.

Конечно, Ваня уважал своего отца как старшего мужчину в семье и слушался его, но при этом он не принимал жестокие и порой неоправданные правила, которые царили в родитель-

ском доме. В своей личной супружеской жизни Иван старался установить отношения взаимопонимания и заботы, и Евдокии можно было только позавидовать.

Бедная Акси́нья после ухода младшего сына стала совсем несчастной. Яким, её муж, часто поднимал на неё руку. Казалось, его сердце окаменело от злобы и ненависти. Как только жена появлялась в поле зрения, на грозном лице мужа появлялось выражение отвращения. Тычки и оплеухи стали обыденным способом воспитания ненавистной супруги.

Когда Яким возвращался домой пьяным, несчастная женщина пряталась на сеновале, чтобы не испытывать на себе его крутой нрав. В хмельном угаре он мог бесчинствовать до бесконечности, а избитая до полусмерти Акси́нья не могла встать на ноги. Синяки не успевали заживать до следующей взбучки.

Не стоит даже говорить о тех недостойных словах, которые бросал отец её детей, надежда и опора. Он перестал называть её по имени, а в обиход вошло ёмкое и обидное прозвище – Зараза. Он мог назвать её так и на людях.

Акси́нья лишилась сна и покоя, живя в кромешной пытке. Сколько раз она молила о пощаде, стоя на коленях и целуя руки садиста. Но ему это только в удовольствие. Чем больше унижения, тем слаще поёт его гнилая душа.

Однажды Якому подарили плетку. Её смастерил местный конюх, чтобы расположить к себе авторитетного соседа – вдруг когда-нибудь пригодится. Это была интересная вещь: плетёнка из телячьей кожи, с тремя концами и резной деревянной ручкой. Концы были связаны верёвочкой, а на каждом из них – по узелку. В Берёзовке без плётки не обойтись: коровы часто забредают на чужие луга и жнивье. Хороший подарок!

Яким ударил плеткой по голенищу сапога – знатно припечатало. Взвесил её в руке, взмахнул, со свистом разрезая воздух. Он сразу понял, для чего она предназначена – не для коровьих боков. Взмахнул по себе – и словно огнём ошпарило! Испытал гадкую радость, даже улыбнулся: «Теперь попляшет у меня, Зараза старая!». В тот же вечер он решил опробовать плетку. Гнев на надоевшую женщину переполнял его. Он всячески показывал, что она в доме лишняя, что своим присутствием испоганила ему жизнь. Был готов хоть со свету её сжить.

В свои пятьдесят верная жена выглядела старухой: редкие седые волосы она убирала под платок, как это делали бабушки. У неё почти не осталось зубов, из-за чего впадины на щеках становились всё глубже, а лицо испещряли морщины. Кроме того, от тяжёлой работы её спина сгорбилась, а руки стали непомерно длинными. Она была большой рабочей лошадью, которая трудилась без перерыва.

Её трудами держалось всё хозяйство. Каждое утро она выгоняла скотину на пастбище, косила траву, поливала огород. В доме всегда царили порядок и уют, на столе были щи, каша и свежий ароматный хлеб. Однако благодарности она не получала, её принимали как должное.

Вид ненавистной фигуры бесил Якима до дрожи. Его ноздри начинали раздуваться. Если бы он мог извергать пламя, то испепелил бы всё вокруг, а пока он сотрясал воздух проклятиями. Он выглядел молодцом, а рядом с ним была старая развалина. Пылу много, а тратить его некуда. Касаться её обвислого тела было противно, целовать её иссохшие губы – гадко. Без женского тепла он окончательно озверел.

Субботний день подходил к концу – банная пора. Заботливые мамы спешили искупать своих многочисленных детей засветло. Яким быстро вымылся, пока Акси́нья возилась у печки. После легкого пара, принял изрядную дозу алкоголя, и его потянуло на более изысканные удовольствия.

Акси́нья в этот вечер припозднилась в бане: сначала она вымылась, затем постирала белье. Она думала, что, как обычно, вернётся, а её муж будет спать без задних ног. Но её ожидания не оправдались: Яким сидел посреди комнаты, уставившись в пол. Она прошла мимо него на цыпочках, сняла верхнюю одежду и осталась в одной рубашке, собираясь лечь спать.

– погоди, Акси́нья! – раздался грубый голос, и женщина вздрогнула. Эта интонация не предвещала ничего хорошего. Ей ли не знать!

– Стой, говорю! – прорычал подвыпивший муж, вскакивая со стула.

Акси́нья сжалась в комок, чувствуя, как колотится её сердце. Она опустила глаза и приняла покорную позу, помня о прошлом.

– Стою! – сказала она.

– Подойди! А ну, быстро!

Она сделала два шага вперёд.

– Ближе!

Она подошла почти вплотную.

– Любишь меня? – спросил Яким, сжимая желваки.

– Люблю! – покорно ответила Акси́нья.

– Тогда докажи!

– Как доказать, Якимушка?

Только сейчас она заметила зажатую в его руке плеть, но было уже поздно. Её мучитель замахнулся, сваливая её на колени. Плеть легла на спину: один раз, второй. Сильная рука без жалости приложила её.

Акси́нья и раньше терпела побои, молча сносила их, но сейчас она закричала от боли.

– Громче! Ещё, ещё, родненькая! – возбуждённо закричал её муж.

Для Якима эти крики звучали как музыка. Пока он порол её, на него нахлынули сладостные чувства. Его мужское естество пробудилось. Он разорвал рубашку на жене и потащил её в постель. До утра он измывался над ней, и она взмолилась о пощаде.

– Яким, сжался, умру ведь...

– Что тебе сделается, а меня, вот, порадовала. Ценить теперь тебя ещё сильнее стану, женушка, моя любимая. Теперь, я знаю, какие ласки ты любишь. Готов хоть каждый день с тобой в постели проводить.

После первого раза это приятное ощущение настолько запомнилось Яким, что он стал регулярно пороть жену плеткой. Так он хотя бы получал плотское удовлетворение.

Для Акси́ньи жизнь превратилась в сущий ад. Она жила с жестоким мужчиной и часто думала об освобождении. В её возрасте хотелось спокойной размеренной жизни в молитвах и уединении. Её любимые сыночки выросли и могли сами о себе позаботиться. У них впереди были собственные семьи: жёны и дети. Вряд ли они нуждались в её дальнейшей материнской опеке. Конечно, она с радостью нянчила бы внуков и обязательно стала бы им хорошей бабушкой, но пока её единственным желанием было убежать за тридевять земель.

Глава 4

Яким уверенно двигался к своей цели. В трех часах пешим ходом от его дома находилась деревня Лазаревка, где у Ильи, хозяина мельницы, подрастала дочь Федосья, готовая к замужеству. Федосья была настоящей красавицей: крупная, с округлым лицом, пышной грудью и густой русой косой. Многие парни мечтали о браке с ней, ведь союз с мельником сулил сытую и достойную жизнь. Однако Илья искал жениха более состоятельного, чтобы обеспечить дочери достаток. Он не хотел, чтобы Федосья переезжала из Лазаревки. В старости Илья надеялся, что дочь станет опорой и поддержкой для них с супругой. Старший сын мельника погиб – утонул в пруду. От него осталось двое внуков-сиротинков, которых нужно было растить. Вся надежда была только на дочку и её будущего мужа, поэтому Илья не торопился с выбором, взвешивая все выгоды и возможные неудачи.

Возвращаясь из уездного города, Яким решил заехать на мельницу к Илье, чтобы договориться о помолвке пшеницы. Это был прекрасный повод для нужной беседы. Они поговорили о делах: об урожае, погоде, заготовке кормов и других важных вопросах. Затем Яким поинтересовался, как обстоят дела у Ильи с семьёй и детьми. Заодно похвастался, что его сын Ваня удачно женился.

– А ещё у меня есть сын, который тоже ходит в женихах, – с хитрой улыбкой добавил он. – Павлик – завидный парень во всех отношениях.

– Я знаю, – ответил Илья. – Встречать приходилось. Заметный парень.

До этого мельник разговаривал с дочерью о женихах, и она сама упомянула Павла. В деревне была гулянка, и среди гостей был сын Якима. Федосья всё время смотрела на него и сказала:

– Вот бы выйти замуж за такого!

Заботливый отец вспомнил эти слова и усмехнулся: «Рыбка сама в сети плыла!»

– Друг Илья, как ты смотришь на то, чтобы породниться? – напрямую спросил Яким.

– Почему бы и нет? – ответил умный мельник вопросом на вопрос.

Так они решили, что свадьбе быть. Пожали друг другу руки и договорились о свадьбе через год, на следующую осень.

Домой Яким приехал с радостной вестью и сразу же позвал Павла.

– Павлик, у меня есть для тебя прекрасная невеста! Мы уже всё обсудили с твоим будущим тестем. Не зря я в город ездил. По пути в нужное место заехал и всё выяснил.

Павлик встряхнул головой, поправляя кудри, и подумал: «Вот так незадача! Как же не вовремя!»

– Весной мы поедem свататься, а к концу сентября сыграем свадьбу. К тому времени хорошенько подготовимся, костюм тебе красивый купим, да и о подарках будущей родне надо позаботиться.

– Как её зовут? – не выдержал сын.

– Ты же её знаешь – Федосья, дочка мельника Ильи! Породниться с нами очень хотят.

Павлик скривился. Ему вовсе не хотелось жениться на Федосье. Он видел будущую жену на деревенском празднике, но она была не в его вкусе и не вызывала даже малейшей симпатии. Яким был уверен, что обрадовал сына замечательной новостью, но его внимательный взгляд уловил его мрачное настроение.

– Почему ты молчишь? – вернулся отец к разговору.

– Думаю. Зачем ты так рано о свадьбе заговорил? И почему за моей спиной, без согласия, действовать начал?

– Он ещё и думает! – взъерошил Яким волосы на макушке сына. – Радуйся! Это отличная партия! Все соседи обзавидуются!

Вот оно – мерило счастья: только бы все завидовали и охали. Но от такой заботы родителей сводило скулы.

– Я рад, отец! – соврал Павел.

Внутри всё содрогнулось от бессилия: послушный сын не имел права решать за себя.

– Вы поженитесь, и будете жить в Лазаревке! – продолжал разговор отец.

– Зачем это? – удивился Павел. – Ты что, хочешь выгнать меня отсюда? Из родных мест, где прошло моё детство, где живёт мой брат? И как же ты будешь справляться без меня, отец? Я ведь знаю всех барыг по именам, у меня есть подход к каждому из них. Они меня боятся и уважают, поэтому нам легче получать с них деньги.

– Это правда, – согласился отец. – Но не стоит огорчаться. У меня есть пара толковых ребят, которые смогут заменить тебя. А в Лазаревке уже есть дом и огород. Илья построил его в прошлом году, краска ещё не успела высохнуть. Сени просторные, на задворках стоит добротный сарай и хлев. Мы с Ильёй подумали, что нет смысла строить второй.

– Решили, значит, – стиснув зубы, вымолвил Павел.

– Так и будет. Нам с матерью пора на покой, идите своей дорогой, рожайте деток, чтобы в старости одним не куковать.

– Но, отец, не по-людски это!

– Не ной, поди, не баба. Я тебе сказал, своё благословение. Твоё дело – повиноваться, а то заладил: «Нравится – не нравится».

Павел умолк, видя, что отец начинал сердиться.

По всем правилам мужчина должен был привести жену в свой дом, и для Павла такой поворот событий и предстоящий переезд казались унижительными. Пока у него не было своего жилья, а в отцовском ему, похоже, не суждено было ужиться. Он проглотил обиду и спрятал её внутри себя. С самого детства он не перечил отцу, слушался его и беспрекословно выполнял все указания. Ему не оставалось ничего другого, кроме как поблагодарить отца за заботу и участие.

Для Павла потянулись дни в ожидании неизбежного. Тягостные минуты, которые сплетались в однообразное тиканье настенных часов, и проживались они без интереса, радости и спокойствия. «Тик – так! Тик-так», – дразнился маятник, доводя его до исступления, словно единственной его целью было подгонять стремительное время.

Новоиспечённый жених чувствовал, что земля уходит из-под ног, а его готовят к тюремному заключению, а не к супружеской жизни с молодой женой. Внутренне он содрогался от неправильности заключённого договора. Не нужна была ему Федосья. Эта девушка не была похожа на принцессу из его грёз. С такой будешь говорить только о посевах, скоте и заготовке дров, но никак не о возвышенных чувствах. Да и где это видано, чтобы неугодная женщина согревала его постель? Несколько раз он представил себе эту картину и впал в тоску. Пышногрудая и крутобокая Федосья с белым сочным телом, пышущая румянцем, не вызвала у него ни капли вожделения. Напротив, всем своим видом она отталкивала подобные желания. Воображая свои руки, обнимающие её широкую талию, пухлые губы будущей жены в ожидании поцелуя, Павел не мог сдержать звериного рыка. Он был не просто зол, а находился в положении подраненного волка, попавшего в яму.

Однажды утром Павел, к своему удивлению, ощутил боль в области сердца. «Только этого не хватало!» – воскликнул он, нервно расхаживая по избе от печи к столу. Затем он ударил кулаком в стену, схватил шапку и поспешил на волю.

Только вышел за порог – вдалеке сарафанчик знакомый замаячил. Тепло на душе стало. Вон оно счастье мимо бежит, только не догонишь. Птичка вешняя, цветочек лазоревый, глазу милый. Крикнуть хотелось: «Манюшка – любовь моя, погоди, стой! Хоть раз улыбку покажи!»

В его сером и безрадостном мире только немая красавица была светлым лучиком. Все мысли были о милых синих глазах и шелковистых косах. Лёгкий стан, мягкая поступь маленьких ножек, нежный взмах тонкой ручки – всё это навсегда запечатлелось в его памяти.

В прошлый раз он стоял рядом с ней, боясь вздохнуть, чтобы не спугнуть эту прелесть. А она, шалунья, потупила глаза, опустила ресницы и перебирала волосы в косе. Заигрывала, что ли? Или это только показалось ему? Влюблённый дурак уже давно протоптал бы тропинку до её порога, устелил бы цветами крыльцо, прожужжал бы все уши сладкими речами. Но Павел, осознавая своё неумение выразить чувства, стоял в стороне, не решаясь сделать шаг навстречу.

Однако, сколько бы Павел ни сетовал, его судьба оставалась неизменной. Робкая надежда на счастье, навсегда перекрытая отцовским благословением, стремительно таяла. В его горячем сердце зародилась темная шальная идея, и Павел, этот избалованный шалопай, задумал недоброе. Он все чаще стал прогуливаться по деревенской околице, выбирая знакомые тропинки, и с надеждой вглядывался в окна Катериной избушки. Сколько же мыслей он передумал, сколько возможностей упустил!

Манюшка, его возлюбленная, то и дело носилась по деревне, шустрая и озорная. Но она всегда была не одна – то с подружкой, то с целой ватагой. Она пробегала мимо, кланялась Павлу и исчезала. А он стоял, смотрел ей вслед, томился, но боялся догнать. Павел мечтал застать Манюшку в одиночестве, чтобы подойти, заговорить, а если повезёт и прикоснуться к ней.

И однажды Павлу улыбнулась удача: Манюшка взяла корзинку и отправилась в лес за грибами. Но и на этот раз она была не одна, а с подружками. Ранним утром девчата встретились у векового дуба, обменялись напутствиями и направились в сторону осинника. За ним уже виднелся бор, где всегда было много боровиков.

В том году осень выдалась особенно тёплой. Деревья в лесу стояли, словно окутанные золотом. Среди ярко-жёлтых берёз выделялись красные осины, создавая яркие пятна. Листья ещё не покинула деревья, и их чарующий вид радовал глаз. Лёгкий ветерок колыхал ветви, создавая ощущение волшебства. Кажется, будто природа, словно по божественному велению, украсила себя, чтобы подарить радость человеческому роду. Только жители Березовки давно привыкли к меняющейся красоте мира и не обращали внимания на чудеса. Их больше заботила выгода, которую они могли получить от лесов и полей. К примеру, в этом году уродилось много ягод: рябины, калины и брусники.

Но основная радость – грибы, которых тоже было в достатке. С рассветом женщины, взяв корзинки, целыми толпами отправлялись в лес. Если проспять, можно было пойти по обрышам и вытоптаным полянам, где остались только поганки. Добытчицы собирали всё, что попадалось на пути: грибы, ягоды, травы. Изредка попадались деревья дикой лещины, богатой орехами. Всё, что можно было использовать в пищу, запасалось впрок, ведь впереди была долгая зима, которая готовила испытания голодом и холодом. Хорошие хозяйки складывали запасы в амбары и погреба: сушили и солили.

Манюшка, став полноправной жительницей деревни, стремилась не отставать от своих сверстниц и с таким же рвением наполняла свои закрома грибами. Сначала ей пришлось изучить, какие грибы можно собирать, а какие нет. Раньше она не сталкивалась с такой наукой и собирала всё без разбора. Ей, что груздь, что волнушка, что волоконница, все в корзинку: и съедобное и несъедобное. Чем больше грибов, тем лучше, думала она. Как только замечала яркую шляпку под кустиком, сразу же хватала её. Когда Манюшка впервые вошла в лес, она набрала много поганок. Сейчас ей даже вспоминать об этом стыдно. Подруга Наталья громко ругала её при всех:

– Понабирала, люди добрые, поглядите-ка! Травиться, что ли, собралась?

Женщины подняли Манюшку на смех, когда увидели, что в корзинке у неё были мухоморы и бледные поганки. Они казались ей очень красивыми и яркими.

Сейчас Манюшка выучила названия грибов и обходила ядовитые стороной. С радостью бегала в березняк, чтобы набрать полную корзинку белых и подберезовиков. После жарко топила печь и сушила грибы, обеспечивая на зиму и себя и тётку Катерину. Но и тут была одна загвоздка. Манюшка боялась заплутать в чащобе, отстать от подруг и не суметь позвать на помощь. Она всегда старалась держаться в поле зрения Натальи.

Но и тут получилась досадная ошибка. Возле старой вековой берёзы Манюшка обнаружила целое семейство белых грибов. Она была очень удивлена и обрадована этой находке. Среди грибов были и большие, и совсем маленькие – с ноготок. Их было не меньше десятка. Пока она аккуратно срезала грибы под корешок и складывала их в корзинку, её подруги исчезли из виду. Это произошло очень быстро, но когда она оглянулась, то никого вокруг не обнаружила. Манюшка испугалась и засуетилась. Она поняла, что осталась одна в незнакомом месте. «Почему они не возвращаются за мной? Неужели не видят, что я отстала?» – возмутилась она. В просвете между деревьями не было видно никакого движения. Она не понимала, в какую сторону ушли её подруги. Может быть, ей стоило вернуться по своим старым следам? Но тогда можно заплутать, и уйти совсем в другую сторону, ведь солнышко было скрыто за тучами и направление пути сбилось.

Внезапно за её спиной раздался шорох, и Манюшка вздрогнула от испуга. Её сердце замерло, и она чуть не свалилась в обморок. Поговаривали, что здесь обитали кабаны, а они – очень опасные звери, с большими клыками.

Поворачиваться было страшно, но ещё страшнее было оставаться в неведении. Как говорила её тётушка: «Чему быть, того не миновать!» Оглянувшись, Манюшка ещё больше обомлела. Перед её взором предстал ясный сокол – Павел Якимович. Вот так встреча, да ещё и в таком неожиданном месте!

Манюшка смутилась. При виде Павла её всегда охватывало волнение, и ей хотелось спрятаться. Он тревожил её ранимую девичью душу с тех самых пор, как она впервые увидела его. Однако она никогда не давала воли своим чувствам, не представляя возможности выразить их. Никто не знает, сколько воображаемых счастливых минут провела она рядом с ним.

Как и прежде, она опустила глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом. Все мимолетные встречи заставляли её волноваться и вспыхивать от неведомого ранее жара. А что, если он догадается о её чувствах? Он может рассмеяться, а она вряд ли сможет пережить такое потрясение.

«Как он оказался в лесу? Не по волшебству ли?» – подумала она.

Наивная Манюшка не догадывалась, что Павел заметил, как девушки отправились в лес. Он решил проследить за ними, крадучись в кустах, чтобы не заметили его. Для него они были добычей, а он охотником. Это стало для него развлечением. Павел подслушал все их разговоры и узнал много интересного. Его личность несколько раз вспоминалась, и его судили за несносный характер. Манюшка держалась особняком, то и дело, отставая от шумной компании. Ей не нравились бабские сплетни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.